

18+

Андрей Журавлев

Небо в трещинах

Андрей Журавлев

Небо в трещинах

<https://litres.ru/74274757>

ISBN 9785007067164

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Изначально автор замыслил романтический детектив, состоящий из 3 частей, связанных между собой отдельными персонажами. Однако в одноименную книгу, изданную в 1998 году, вошли только первые две части. Третью на тот момент сочли излишне провокационной...

Книга повествует о представителях поколения Х, которые восстали против произвола напорочь потерявших ощущение стыда и совести людей, и попытались взять правосудие в свои руки.

Полная версия публикуется впервые.

Добро пожаловать в «девяностые»!

Содержание

Часть 1. Небо в трещинах	5
Глава 1	5
Глава 2	99
Глава 3	138
Глава 4	150
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Небо в трещинах

Андрей Журавлев

© Андрей Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0070-6716-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Небо в трещинах

Глава 1

1

Наконец-то я решаюсь поцеловать ее. Кто бы мог подумать, что она не станет противиться этому? А с виду такая неприступная! Блондинки не в моем вкусе, но чисто спортивный интерес заставляет нарушить принцип и вычеркнуть из Красной Книги Девственниц соседку с седьмого этажа. «Ужас! Я даже забыл спросить, как ее зовут!» — думаю я, стягивая с нее юбку, и...

Просыпаюсь от душераздирающих криков будильника. Тупая электроника! Впрочем, откуда он мог знать, что сегодня мне не нужно вставать рано?

В комнате полумрак, но виной тому шторы, добросовестно охраняющие меня по утрам от солнечных лучей, так и норовящих пощекотать зрачки.

И кто только придумал, что по утрам необходимо вставать? Съездить бы ему по морде... Хотя, без сомнения, он и так давным-давно помер. Хотелось бы верить, что от продолжительной болезни.

Но раз уж проснулся, приходится принимать вертикаль-

ное положение.

Шторы разбегаются по сторонам и противным визгом, но жмурюсь я напрасно — за окном идет дождь. Впрочем, дождем эти жалкие капельки, безвольно летящие с неба, называть язык не поворачивается: асфальт под деревьями остается сухим, но и солнца явно не предвидится. Все же, как ни крути, дождь намного приятнее, чем снег...

По дороге в ванную комнату нажимаю кнопку «Воспроизведение» на своем выдавшем виды музыкальном центре и квартира заполняется бодрими ритмами.

«Интересно, что таит в себе фраза „рок-н-ролл мертв“? — думаю я, нещадно скобля впалые щеки. — Для кого-то мертв, для кого-то жив, а для большинства он никогда и не жил!»

Брызгаюсь одеколоном и плетусь на кухню, шлепая себя по лицу. Чайник, как назло, и не собирается закипать. Тем временем я верчу в руках записку: «Все было просто чудесно! До завтра! Оля.». Бедная Олечка! А что же, по-твоему, тогда антоним к слову «чудесно»? Давеча я так устал, что уснул в самый ответственный момент, и как ты скатывала мою персону с себя, увы, не помню... Но, видит Бог, вчера я этого не хотел. Идея была твоя!

Олька — девчонка неплохая... Тактичная! Единственная из моих знакомых, кто бесшумно растворяется на исходе ночи, вместо того чтобы с утра шлаться по квартире в моей рубашке и тапочках или, того хуже, не желать вылезать из-под

одеяла, когда я уже час как одет и смертельно опаздываю. Да... Оленька не такая! Но и ее положительные качества не радуют изобилием. Что это за мелькнувшая в записке самоуверенность — «до завтра»? Вопросик после слова «завтра» нужно было поставить!

Женщины — собственницы! Чуть что, начинаются разборки, слезы... «Почему ты мне не позвонил?» А почему я должен был позвонить? Я что — муж? Или когда-то говорил, что люблю? Замужние — те, вообще, спасайся, кто может! И дело не в ревнивых вислоухих рогоносцах-мужьях! Просто, удели мужней даме немного внимания, и при минимуме удовольствия получишь максимум неприятностей: они тут же начинают примерять тебя в супруги, что не так — закатывать сцены... А Олюшка меня, наверное, любит! Я же, как паразит, пользуюсь этим. Хм... Пользуюсь ли?

Вам когда-нибудь доводилось слышать от человека, который вам, по большому счету, безразличен, признание в любви? Ощущение не из приятных... Идиотское ощущение! Хочется убежать, провалиться сквозь землю... Вместо этого начинаешь с траурно-серьезным видом философствовать о том, что жизнь — штука странная... Приятный момент в такой ситуации тоже присутствует: еще бы! — кило бальзама на самолюбие! Но, в целом, не по себе. Не то чтоб я был патологическим сердцеедом, но пару раз разбивать женские сердца доводилось... С Ольгой, вот, подобная промашка вышла...

Я — певец в любительской рок-группе, а она — моя поклонница. Почитателей у нашего скромного коллектива не так уж много, чтобы ими разбрасываться, и хотя я не соби-рался вступать с ней в близкие отношения, но так получи-лось...

Однажды мы «обмывали» удачный концерт в своей му-зыкальной камерке; среди приглашенных оказалась и она. Окрыленный мини-успехом, я быстро потерял способность контролировать потребление спиртного: когда меня попро-сили спеть, вручив гитару, не смог попасть по струнам; когда аккомпанировать вызвался Сашка — наш басист, напрочь позабыл слова и потерял слух... Решено было откантовать меня домой, и Ольга взяла эту миссию на себя... На этом месте мои связные воспоминания заканчиваются. На следу-ющий день, проснувшись нагишом в собственной кровати, я, было, перекрестился, что один, но в коридоре, помадой на зеркале, было оставлено послание, аналогичное по тексту сегодняшней записке. С характерной буквой «Ц» перед под-писью, вероятно означающей — «целую». Эдакое уведомле-ние, что меня оттрахали! До сих пор не верю, что в ту ночь что-то могло быть! Тем не менее, через несколько дней при-гласил я свою обожательницу в гости на ужин с целью рас-ставить все точки над «і»...

Расставил, называется: растаяв от шампанского и компли-ментов в свой адрес, в долгу не остался и «расставлял точки» до рассвета. В искренности утреннего сообщения в тот раз не

сомневался, однако досаждал факт, что я влип, подлив масла в огонь ее любви. Сказать, что испытывал блаженство, балуясь с Олей под одеялом, не могу, скорее это напоминало какую-то механическую работу, не лишенную нескольких приятных моментов, но, чтобы испытать подобные моменты, в сущности, не обязательно быть с женщиной — заурядная физиология... Секс должен приносить радость и на более высоком уровне! С Ольгой этого я не ощущал. Ей, пожалуй, повезло намного больше: близость с любимым человеком — не это ли верх блаженства? И еще я чувствовал себя обманщиком. Редкий случай! И кого обманывал-то? Себя же! При случайных связях такого не бывает. Моралисты подобные отношения кличут не иначе как скотство. А что прикажете делать мне — молодому и неженатому — ждать свою единственную, которая заждалась меня единственного? Да при таком раскладе мы никогда и не встретимся... В конце концов, это моя жизнь, как хочу, так и живу! Аморальное поведение!? А кто ее придумал эту мораль? Вот, двигатель внутреннего сгорания известно кто изобрел, а покажите автора пресловутой морали?

Свистит чайник. Засыпаю в кипяток молотый кофе и бдительно слежу, чтобы тот не убежал, но он успешно это делает, заливая пламя горелки...

Глоток живительного напитка — и можно закурить. Странная привычка — не курить натошак. Можно подумать, что две чайные ложки кофейного бульона — не пустой же-

лудок! Так, самообман.

Заканчивается диск, поставить новый — лень. Докуриваю в тишине, следя, как муха разгуливает по сахарнице. Придется включить в распорядок дня убийство неразумного насекомого, так что у нее еще есть шанс покинуть через окно мою жилплощадь!

Застилание кровати — каждодневный ритуал, исполняемый с детства. И не важно, что через десяток с небольшим часов ее придется расправлять по новой... На простыне нахожу трусики. Ольгины. Глупышка! Побоялась меня будить, натянув джинсы на голую попку? А может, решила оставить «сувенир» на память в надежде на то, что сердце мое, когда их обнаружу, екнет, и я спрячу их в потайное место, а в минуты грусти буду доставать и вспоминать о чудных ночах, проведенных вместе? Ошибочка! Я — не фетишист! Да, честно говоря, вспоминать об этих «наших» трех ночах у меня и желания нет.

Торжественно погружаю, судя по всему, единожды надетые трусики в мусорное ведро и возвращаюсь к уборке кровати. Все-таки Ольга не в моем вкусе! Небольшого росточка, хотя это и не важно, но излишне, на мой взгляд, полная... И зачем она осветлила волосы? Слишком много курит, еще и «болгарские»! Говорит, привыкла. Вот уж где почувствуешь поговорку, что целоваться с курящей женщиной, все равно, что с пепельницей. Любопытно, а каково вообще некурящему целоваться с курящими? Еще раздражает, ко-

гда она обращается ко мне «дорогой!». Киношек насмотрелась? А вот того, что чистюля, не отнять: ненавижу, когда женщины, изображая страсть, исключают из постельной траектории душ с обилием мыла, а эта же омовения затягивает на полчаса. Хотя попробуй установи закономерность с трех раз, один из которых стерт из памяти! Зато в сексе наивна, как Винни-Пух! Изображая удовольствие, зачастую переигрывает, желая потешить мое мужское достоинство, но я же не пещерный человек и вижу, что об оргазме ей известно исключительно из популярных журналов. Вполне возможно, у нее удовольствие эмоционального характера, но, по мне, если ты не довел женщину до пика, то это была пустая трата времени. Конечно, фригидность успешно преодолевается тренировками, но пусть этот практикум проводит кто-нибудь другой, а меня уж увольте...

Звонок в дверь. Неужели Ольга за оставленной составляющей нижнего белья? Неловко будет извлекать ее кружевное чудо, покоящееся на вытряхнутой кофейной гуще... Может сказать-таки, что я оставил их себе на память? Но это означает, во-первых, соврать, во-вторых, укрепить ее надежду на обладание моим сердцем. Ладно, будь что будет.

К счастью, это не она. Сосед. Займи ему в который раз! Им что, зарплату раз в два года платят? Он у меня как Сберегательный банк, если востребую назад все свои «займы», то, наверняка, хватит на новый музыкальный центр! Черт с ним — откажу в следующий раз. Фу! Как можно пить водку

в такую рань? Конечно же, я не соглашаюсь «пропустить по рюмочке».

Заканчиваю уборку, все еще думая об Ольге. Надо будет сказать ей, что не стоит нам больше встречаться. И ноги посоветовать побрить, а то чистюля, называется! Понятное дело, про второе я говорить не стану. Все! О ней хватит! Кстати, надо бы белье постельное поменять... А, гори оно! Завтра поменяю...

Недопитый кофе уже остыл, теперь он противен не менее теплой водки. Прикуривая сигарету, вспоминаю, что необходим плановый звонок родителям. Хотя им сейчас не до меня — нянчат трехмесячную племянницу. Угораздило же мою младшую сестренку разродиться в 19 лет! Будет еще завидовать своим сверстницам, которые ездят веселыми компаниями на природу, ходят по дискотекам, учатся в институтах и меняют ухажеров каждые две недели... И где она только выдрала этого Славика? Старше ее почти на двадцать лет! Конечно, богат, но у него на лбу написано, что он — бандит, бабник и семейный террорист. Долю моей сестры предугадать несложно: станет растолстевшей домохозяйкой, ждущей, когда пьяный кормилец припрётся с очередной деловой встречи, проходившей почему-то в бане. Девственницей, видите ли, она была до знакомства с ним! Это его, наверное, и подкупило. Так и не узнает она, бедненькая, разницу между невинностью и ее отсутствием... Еще и года вместе не прожили, а дочке уже три месяца. Готов поспорить, что они за

время совместной жизни и тридцати раз любовью не занимались! То беременной была, теперь тоже не до этого... Ему-то что? Он, если не в отъезде, то по ресторанам да по саунам ходит. Чем эти походы заканчиваются — понятно! Раз в неделю доходят слухи — где и кого он «поимел»: то в парилке, то в кабинке ресторана, то на природе — на капоте своего служебного «BMW»... Вот где, господа моралисты, скотство! Впрочем, мне бы было все равно, если бы речь шла не о моей сестре. Да, и она тоже хороша: от его блатных манер должно было затошнить при первой же встрече! Может, это тот случай, когда любовь зла? Ведь сестра-то ни о чем не догадывается, а посему счастлива, да и теперь у нее дочка — есть кому отдать «тепло души своей». Он их содержит, денег в доме куры не клюют: шубу ей купил, сережки с бриллиантами... Все ж лучше, чем супруг — алкаш, который все из дома утаскивает! Но по мне, так это не жизнь... Помню, на свадьбе, такой шикарной, что даже муж подруги матери — известный хроник с перепугу не напился, Слава распинаясь, стуча себя в грудь: да я, мол, Анечку выучу на юриста! Моей фирме толковый законник нужен! и т. п. А когда выходили перекурить, то всё норовил зажать свидетельницу, которую я, не желая портить своей сестре торжественный день, увез в тот вечер к себе домой, где показал ей большую дулю, когда она стала лезть ко мне в штаны.

Эх, Анечка! Не видать тебе института... И зря ты обижаешься на меня за то, что я не скрываю неприязни к твоему

муженьку. Ну, не нравится мне он, но жить-то с ним тебе!

Наконец-то дозваниваюсь! Трубку берет отец — не придется долго выслушивать нравоучительные мамкины речи, а ограничиться передачей приветов всем, включая племяшку. Отец немногословен, поэтому я бодренько рапортую, что у меня все прекрасно, рассылаю приветы, поцелуи и быстро закругляюсь.

Юридически я вовсе и не сын им: мать родила меня в неполные семнадцать лет, а сама уехала учиться и устраивать личную жизнь, так что я по-тихому был усыновлен бабушкой. Правду я узнал лет в семь, когда моя «старшая сестра» вернулась работать по распределению, уже замужем. Известие это я пережил спокойно. Некоторое время даже втайне гордился тем, что она у меня такая молодая, но «мамой» величал до последних ее дней именно бабушку, выдумав для настоящей родительницы несложное «Ма!». Скорее всего, и мамин муж — не мой отец, но я никогда не любопытствовал. Он мужик неплохой, так что, даже если он и не родной мне, то сомневаюсь, что настоящий осеменитель, бросивший шестнадцатилетнюю девочку с ребенком на руках, лучше. А вот документы переправить так и не удалось — что-то застопорилось, потом родилась Аня... Так я и остался бабушкиным сыном, взяв при выдаче паспорта ее фамилию, а не родительскую. И жил все время у бабушки, и сейчас живу в ее квартире... По сути, настоящей матери до меня никогда не было дела: в детстве она откупалась от сына дорогими подар-

ками, когда же вырос, на смену игрушкам пришли проповеди... Зла не держу, но без зазрения совести говорю некоторым, что сирота. Впрочем, для знакомых я — старший брат Анны, хотя, документально, она — моя племянница, а моя племянница — жуть то! — внучка! Дед в двадцать восемь лет! Надо бы про это песню сочинить! Твист... Припев, можно сказать, уже готов!

Я беру гитару и некоторое время импровизирую на заданную тему в рамках буги-вуги. Ничего оригинального не выходит. Тогда принимаюсь терзать блюзовые гармонии, и вскоре рождается светлая — как мне кажется — с элементами грусти мелодия. Надо будет записать ее для нашего клавишника: Антон — большой специалист по жизнеутверждающим текстам...

Как же не хочется готовить себе обед! Парадокс: зная, что ко мне на огонек кто-нибудь заглянет, я превосхожу самого себя в области кулинарии: запекаю курочек, отбиваю мясо, изобретаю неслыханные салаты и гарниры! А как только встает вопрос о кормлении единственного обитателя этих квадратных метров, так фантазия дальше яичницы с ветчиной не заходит. Завести, что ли, кота? Ага, ветчины нет... Но яичница — тоже еда! Поразмыслив, я все-таки вскрываю консервную банку без этикетки. Рыба в масле. Слава богу, что не печень трески. Не понимаю, как люди могут есть эти фильтры организма рыб? Макая хлеб в желток, вдруг понимаю, почему сегодняшний день кажется таким необычным

— телефон молчит! В аппарате, который на кухне, звонок не работает, а в комнате я отключил телефон вечером. Ольга сказала, что «на всякий случай» дала своей маме мой номер. Не желая общаться с ее мамашей, я незаметно выдернул шнур из розетки. И, вообще, с какой такой тихой радости номер моего телефона должна знать Олина мама?

2

Репетиция в пять. Выхожу на улицу. Следов дождя не осталось и в помине, но небо по-прежнему в хмурых тучах. Душно. Июль таки... Заговорщически подмигиваю двум девчонкам, пугливо покуривающим на лавочке в сквере. Без сомнения, школьницы, хотя по виду не скажешь. Но кто еще, сбив коленку, наденет мини-юбку? Одна из них, у которой с коленкой порядок, дружелюбно машет мне рукой, но я не увлекаюсь школьницами. Кроме того, меня ждут. На прощание посылаю воздушный поцелуй, в ответ Сбитая Коленка показывает язык. Вот и пообщались...

До ДК, в котором арендуем комнатуху, пять минут ходьбы. Директор дворца — мой старый приятель, если можно сказать «приятель» про человека, который старше тебя лет на тридцать, но «старый» — это уж точно! Наверное, у него особая разновидность маразма, раз он любит рок-н-ролл! Впрочем, музыкой моей молодости этот стиль тоже не назовешь. Нашу группу он обожает! Как поклонник берет сим-

волическую плату за аренду и приговаривает: «Вы, ребята, когда знаменитостями станете, хоть диск свой с автографами подарите?» На это мы всегда искренне киваем головами. Дело за малым — стать этими самыми знаменитостями. Хороший дедок! На аккордеоне играет... Отпад как! Иногда мы приглашаем его и устраиваем музыкальные джемы, стилизуя Элвиса Пресли под современность, кроме того, в знак особого расположения, всегда делимся запасами спиртного.

Прихожу я, как обычно, последним... Усилители еще не включены, но рассказ Сашки-басиста про какую-то деваху, которая, будучи плоской, как экран телевизора «Сони», носила бюстгальтер 4-го размера, набивая его ватой и скомканной туалетной бумагой, близится к концу. Пока мы здороваемся, он живописно передает шок парня, который затащил ее в свою постель, предварительно напоив в самом дорогом кабаке города... Я почти не сомневаюсь, что «тот парень» и Сашка — одно лицо. На вопрос о дальнейшей судьбе обладательницы супербюста, Шурик сообщает, что «тот парень» отправил эту дуру на такси домой.

— Девка, может быть, и дура, — подвожу я итог рассказу, — но каждый вечер хорошо ужинает и на тачке домой ездит, избегая расплаты!

Все смеются, Саня краснеет. Можно начинать репетировать...

Группа — это мое детище и моя гордость! Хотя, пожалуй,

каждый из нас может сказать то же самое и о себе. Я не ревную, так даже лучше. Люди мы разные, но нас объединяет любимая музыка. Уже больше года вместе!

Терзающий струны бас-гитары Сашка — неисправимый гуляка! Его слабость — большая грудь. Злые языки болтают, что он даже развелся из-за того, что его жена имела то ли первый, то ли вовсе нулевой размер. Незаменимый человек в компании, знает столько прикольных побасенок, что из его рассказов вполне могла бы получиться какая-нибудь «Антология мирового юмора» в нескольких томах.

Перебирающий пальцами по клавишам электрооргана Антон — воплощение скромности. У него есть музыкальное образование, так что без него мы бы далеко не уехали; хотя и с ним мы еще не так далеко... Но робость его губит — женщин боится, как огня! Как-то познакомил я его с одной из своих бывших сокурсниц, у которой комплекс отсутствия комплексов... Как он был мне благодарен! Причина робости стала понятна, когда эта моя бывшая коллега по прогулам позвонила среди ночи и потребовала отчитаться, где это я умудрился раскопать «мальчика»? Все ожидали, что лишенный девственности Антоха отправится на Большой Блуд, но он продолжал встречаться с этой самой Наташкой, даже жениться на ней собирался! Насилу отговорили...

Сосредоточенный барабанщик Витек — самый старший из всех нас. У него погибли жена и сын, так что группе он буквально обязан жизнью: мы вытащили его из длительно-

го запоя. А барабанит он классно и теперь почти не пьет. А недавно я видел, как на базарчике он покупал цветы. Два года минуло... Много это или мало? Но время подлечило его душевные травмы. Жизнь продолжается!

Соло-гитарист Леха — единственный из всех нас семейный человек. У него чудесная дочка! Пару раз он приводил ее с собой на наши музыкальные «разминки». Она все время танцевала, гордо поглядывая на папочку... Мы бдительно следим за Лешкиной верностью жене, за что он в шутку на нас обижается.

Самый нудный этап — настройка инструментов — позади. Витек дает палочками отсчет и пошло-поехало! Для начала — разогрев: двенадцать фиксированных аккордов классического блюза и импровизация, по очереди. Репетиция для нас — святая святых. Не допускаются ни друзья, ни подруги. Исключение только для Лехиной дочки...

Моя очередь разминаться: распеваюсь абракадаброй на несуществующем языке, стараясь подражать то Гиллану¹, то Планту², что получается с громаднейшей натяжкой.

После начинается «прогон» готового материала. Мы гордимся тем, что в репертуаре у нас только свои песни, которые пишут все, кроме Витьки. Антон — спец по части длинных инструментальных сюит и написания текстов на мою музыку; кроме того, на нем аранжировки. Сашка — мастер забой-

¹ * Гиллан, Йэн — вокалист «золотого» состава группы «Deep Purple»

² ** Плант, Роберт — вокалист группы «Led Zeppelin»

ных буги-вуги. Леха тяготеет к сложным структурам: композиции у него резкие, закрученные и тяжелые, что никак не вяжется с образом примерного семьянина. Против того, что мы дружно обтесываем его опусы до удобоваримой формы, он не возражает. Посильную лепту вношу и я, выдавая по одной балладе в неделю.

Денег музицированием мы практически не зарабатываем, — надеюсь, пока! — живем на вольных хлебах. Я, например, перевожу порнофильмы одному богатому извращенцу. Его любовницы утверждают, что у меня очень возбуждающий тембр голоса и стиль перевода, за что тот платит мне приличные деньги. Без права тиражирования... А на кой лад мне это право — чтобы статью УК заработать? Благо, словарный запас сценаристов этого специфического жанра весьма ограничен, поэтому я, не напрягаясь, перевожу — точнее, дублирую — три-четыре «шедевра» в неделю. Иногда подхожу к делу творчески, вношу свои корректировки: меняю неподходящую, на мой взгляд, музыку, добавляю реплики... А однажды с тремя знакомыми девчонками мы полностью стерли звук и, подобрав фонограмму, наговорили всё, что в голову взбрело. Мы были изрядно пьяны, но все ахи и охи вышли так натурально, что клиент был в восторге. Теперь смело берусь «русифицировать» порнуху всех держав мира, хотя институт иностранных языков закончил по специальности: английский и французский. От голых тел, мелькающих на экране, порой мутит, но что поделать — издержки произ-

водства!

Все старые песни перепеты, некоторые по несколько раз. Я вставляю в деку кассету, на которую «намурлыкал» новую мелодию, — никогда, наверное, не привыкну записывать музыку нотами! Одобрено. Антон забирает аудионоситель, обещая сочинить слова. На сегодня хватит. Отключаем аппаратуру, замыкаем бронированную дверь и, попрощавшись с вечно ворчащей сторожихой бабой Люсей, выходим на воздух. Еще не стемнело. Чудесный летний вечер, который пытаются испортить комары и звуки рэпа из ближайшего ларька. Леха спешит в семью, Антон тоже куда-то торопится, небось, опять к Наташке, Витька, сделав «рот-фронт», идет в сторону остановки — о его маршрутах спрашивать не принято. Шурик предлагает «ударить» по пивку, но я не в настроении, и он, пожимая плечами, движется в сторону источника дерьмовую музыку ларька.

Решаю лечь спать, но, переступив порог квартиры, понимаю, что не усну. Может, стоило пойти с Сашкой и выпить пива?

Нарезав с десяток кругов по кухне, решительно снимаю трубку:

— Оксанка, привет! Чем занимаешься, не спишь еще? Ничем? Не против, если сейчас за тобой заеду? А может, сама приедешь, а я пока чего-нибудь поесть сварганю? Хорошо! Через сорок минут жду!

Подхожу к холодильнику. Хватило ума достать с утра из

морозильника мясо! Итак, сегодня на ужин у нас отбивные, коньяк и фрукты. По-моему, недурно...

Стою на балконе голый, курю. Приятная усталость, но... Третий час ночи — пора бы и поспать. Ксюха уже дрыхнет. Давненько мы с ней не безобразничали! Выбрасываю окурок и осторожно забираюсь под легкое одеяло; моя гостья что-то недовольно бормочет, но я обнимаю ее и плавно погружаюсь в сон... Будильник, кажется, выключил... Завтра надо не забыть поменять белье... Черт бы побрал эту Ольгу... Всё... Мысли, прочь! Привет тебе, о Царство Снов.

3

Мы отправляемся на первые гастроли! Громко сказано, конечно. Просто нам предложили поиграть недельку в одном из ночных клубов в соседнем городе. Лично я всегда был противником зарабатывания денег игрой для гуляющих в ресторанах народных масс. Там своя отупляющая специфика — разучил полтора десятка песенок в духе «дри-ца-ца» и гоняй их по шесть раз за вечер. Главное, чтобы посетитель остался доволен. Этого самого посетителя тоже понять можно: кому же охота, выкушав бутылочку водки, углубляться в сокровищницу мировой музыкальной цивилизации?

Некоторые ночные клубы выгодно отличаются тем, что там не принято упиваться «вусмерть» и отплясывать «цыга-

ночку» возле «бездыханных» тел, перекрикивая ансамбль. Увы, таких заведений, куда бы люди, заплатив при этом немалые деньги, могли прийти просто отдохнуть, пообщаться и послушать хорошую музыку, всегда будет мало. А причину тяги широких слоев населения к примитиву пояснил как-то один мой знакомый, когда я на вечеринке запел грустную песню: «И так хреново, а тут еще и ты завываешь...».

Свои «минусы», впрочем, есть и в клубах: петь песни, рожденные в глубине души, для жующей публики немного обидно. Но, как ни странно, всегда найдется несколько человек, которые будут слушать внимательно. Во всяком случае мы решили расценивать свою гастроль как оплачиваемые репетиции. Что касается гонорара, то за неделю «переводами» я смог бы заработать куда больше, но кайф от занятия любимым делом тоже чего-то да стоит! Короче, загружая свое барахло в обшарпанный ПАЗик, мы ощущаем себя как Битлы перед поездкой в Гамбург.

Приходит пожелать нам удачи Ольга. Я скрывался от нее целую неделю. Она немного грустная, а я рад известию, что она с подругой уезжает на месяц к морю. Может, поостынет от неразделенной любви? Заведет курортный роман...

Сборы закончены, можно отправляться. Следуя традиции, присаживаемся на разбитые рвущимся к культуре народом ступеньки «родного» ДК. Пора! Я чмокаю в щеку Олю. Она машет рукой, пока увозящий нас убогий шарабан, но-

сящий гордое имя — автобус, не скрывается за поворотом. Жаль, что не пришел проводить нашу команду Михаил Федорович. Опять проблемы с сердцем...

Мимо проплывают деревеньки, о существовании которых миллиарды людей даже не подозревают... Красиво и отчего-то радостно. Сашка спит на плече у Витьки. Чем он ночами занимается? Уж на этот вопрос я знаю точный ответ!

4

Чужой город дружелюбно встречает нас пятью одноместными номерами в не самой худшей гостинице, о чем заранее позаботился владелец заведения, в котором шесть вечеров подряд мы будем исполнять для посетителей свои «творения». Указав в регистрационном листе высокомерную цель командировки — «музыкальная сессия» и завладев ключами от комнат, отбываем разгружать свой скарб по адресу клуба.

На подключение инструментов уходит три часа, но нас никто не торопит. В клубе выходной. Хозяин — мальчишка лет двадцати пяти приглашает нас выпить «за знакомство», отказываться некрасиво. Здоровенный вышибала с узко посаженными глазами и низким лбом презрительно косится в нашу сторону. Двести процентов, что его музыкальные пристрастия не идут дальше банальной блатоты. Его то, что у других называется лицом, не может скрыть желания обру-

шить гитару на чью-либо — без разницы — голову. Остальные, очевидно, тоже замечают это, так как Шурик шепчет мне на ухо:

— Ты посмотри, какой типаж! Он в Голливуде, снимаясь в фильмах ужасов без грима, имел бы по миллиону долларов за минуту экранного времени! Давай свою первую пластинку назовем как-нибудь вроде: «Возвращение ублюдка», и поместим на обложку эту харю! А?

Алик — так зовут нашего работодателя — ведет себя довольно приветливо, но мы торопимся попрощаться и — через вино-водочный магазин — возвращаемся в свой беззвездный отель. На сегодня свободны. Завтра с утра репетиция, а вечером — будьте любезны! — на сцену.

Через час собираемся в номере у Сашки. Он возмущается: — Представляете! Мне уже звонил какой-то козел, интересовался, не нужна ли мне вечером девушка «всего за пятьдесят баксов»? Я что — урод какой-то?

Его все подкалывают, отмечая тот факт, что позвонили именно ему, а не кому-то еще...

Вскоре разговор перестает клеиться. Первым удаляется Витька, говорит, что хочет выспаться, за ним — Антон, набравший с собой охапку детективов, Леха убегает на переговорный пункт звонить жене. Мы с Саней на пару допиваем бутылку, и он предлагает заглянуть в гости к кому-нибудь из команды гимнасток, вселившихся перед нами. Нет, спортс-

менки не в моем вкусе... Пожелав ему удачной охоты, выхожу на улицу пройтись. Из гостиничной «таверны» доносится смех и поганая музыка, стайка девчонок курит около ресторанного входа. Кого из них прислали бы, согласись Шурик заплатить требуемую сумму? Если ту — с хвостиком, то Александр сам бы стал требовать компенсацию за моральный ущерб!

В скверике за гостиничным зданием тишь. Фонари, сокрытые листвой кленов, призрачно освещают пяточки аллеи. Странно, что никто не облюбовал скамеечки для распития портвейна...

Дохожу до конца дорожки и замечаю в малодосыгаемом для света уголке огонек сигареты. Девушка. Одна. Глаза привыкают к полумраку — вроде, симпатичная. Ей, наверное, тоже, как и мне, грустно и одиноко?

— Вас угостить сигареткой? — ничего более оригинального придумать не могу.

Она отрицательно качает головой.

— Ну, тогда угостите Вы меня!

Это уже наглость, но слишком сильно желание просто поболтать с кем-то незнакомым.

Она протягивает пачку облегченных «Марльборо». Не нахожу радости в легких сигаретах, но не крутить же носом! Присаживаюсь без спроса рядом, соблюдая дистанцию. Прикуривая, исподтишка силюсь рассмотреть объект своего внимания. Мой тип женщины! Не успеваю сообразить, о

чем бы таком спросить незнакомку, как сам натываюсь на вопрос:

— Приезжий?

Угугаю в ответ.

— Наверное, какой-нибудь столичный ревизор? Или — как вас там нынче величают — аудитор? Ненавижу приезжих! — Она тушит сигарету. — Впрочем, и не приезжих тоже...

Хорошее начало для беседы, ничего не скажешь! Но я не обижаюсь. Сам недолюбливаю командировочных, которые с кислыми физиономиями ходят на экскурсии по ближайшим к гостиницам магазинам, а вечерами ужинают в дешевых кафе, запивая дрянную еду паршивым коньяком.

— Нет, я — музыкант!

— Скрипач? — в ее голосе слышится интерес.

— Певец. У нашей группы завтра дебют в вашем клубе «Слоновая кость».

— Ни разу там не была. Говорят, более-менее прилично.

— Вот и приглашаю... завтра! Я договорюсь. Можно с... возлюбленным, — осторожно закидываю я удочку.

О муже речи быть не может, так как семейные дамы не разгуливают ночами по темным скверам. Хотя, как знать!

— Завтрашний вечер у меня занят, а если Вас интересует наличие у меня любимого, то у меня его нет и в ближайшее время не предвидится.

Все ясно... Грандиозный облом! Пойду-ка спать. Муже-

ненавистницы — это непоколебимый бастион! Странно, но она продолжает задавать вопросы: какую музыку мы играем? сами ли сочиняем слова к песням? На эту тему я могу говорить до бесконечности. Загадка природы — когда исчезает установка заманить женщину в койку, речь становится связной, плавной, юмор — тоньше... Фрейд, наверное, уже описывал это? Заливаюсь, как соловей. Лицо моей новой знакомой — оказывается, ее зовут Света — оживает. У нее очень приятный смех. Вскоре она просит меня почитать свои стихи. В компаниях я, обычно, отказываюсь, но тут, неожиданно для себя, взбираюсь на голый постамент, принадлежавший ранее, по всей видимости, девушке с веслом или с чем-то еще. Как оживший памятник, декламирую свои разгульные вирши, затем, спустившись, проникновенно читаю лирику. Ей нравится, я это вижу! Очень приятно! Хотя мое поведение — явный плагиат образов из фильмов 50-х, но срифмованные мысли-то мои!

Минут через двадцать ей уже непременно хочется услышать, как я пою. Петть без сопровождения категорически отказываюсь, поэтому предлагаю перебраться в мой номер на третьем этаже. Идея эта ей явно не по душе, но возражения не принимаются. Сегодня мой вечер!

Процесс проникновения в гостиницу со спутницей оказывается на удивление простым. Поднимаясь по лестнице, я жду, когда же раздастся скрипучий голос администраторши:

«После одиннадцати ноль-ноль гостей приводить запрещается» или «Девушка, Вы в каком проживаете номере?»

Чудеса! Ни звука!

Гитара у Шурика. Стучу условным сигналом. Чертыхаясь, он открывает дверь. Раз не приглашает войти, значит не один. «Вот, Укротитель гимнасток!» — думаю я, забирая походную «Музиму». Шурик же по пояс высовывается из номера, сияясь рассмотреть, кому это я собрался петь посреди ночи. Свободной рукой скручиваю за спиной фигу в его адрес.

В комнате неуютно, но я накидываю поверх настольной лампы драное казенное полотенце — подобные аксессуары Витек величает «государственным реквизитом» — и достаю из сумки нагревшееся за день сухое вино, которое мы пьем в паузах между песнями. У Светы красивые ноги и длинные распущенные волосы, но сильнее всего привораживают большие глаза с изумрудным отливом... А я пою, пою, пою... До тех пор, пока в стену не начинают стучать. Вредители! Завтра что ли не выпитесь? Впрочем, они правы — уже третий час ночи!

Светлана благодарит меня за необычный вечер и как-то робко целует в щеку. Иногда один такой поцелуй значит больше, чем ночь любви! Я настаиваю на том, чтобы проводить ее, хотя она утверждает, что живет через дорогу.

— Вот и хорошо, — отрубая я, — значит, шансов заблуд-

диться на обратном пути у меня не так уж много.

Крадучись, мы минуем стойку администратора — спит, наверное, — и попадаем в объятия ночи. Меня так и подмывает предложить вернуться... Но это означало бы испортить такое приятное знакомство.

Дойдя до освещенного фонарем участка, вздрагиваю от неожиданности. Из темноты возникает какой-то сопляк. Спутница буквально впивается мне в руку.

— Где деньги? — рычит он Свете, не обращая на меня никакого внимания. Она молчит, медленно ослабляя хватку.

Любопытствую у незнакомца, кто он такой и что ему нужно. Он искренне возмущен:

— Так эта стерва ничего не сказала? Конь я в пальто, вот кто! Работает она на меня, устроит?

Он бьет стоящую рядом со мной девушку по лицу; в свою очередь, чисто механически, я засылаю кулак в его солнечное сплетение. «Сутенер!» — пульсирует в мозгу мысль, но внешне я спокоен. Пока этот кретин, согнувшись пополам, пытается восстановить дыхание, отсчитываю пятьдесят «зеленых» рублями по курсу, плюс 10% неустойки за нанесенный ему вред. Немного придя в себя, он смотрит на меня очумело, но злобный испуг у него во взгляде сменяется удовлетворением, когда вручаю ему деньги. Еще бы! Многие россияне согласились бы подставить свою грудь под удар за пять долларов комиссионных! Я понимаю, что теперь разбо-рок на более высоком уровне со мной учинять не станут, бе-

ру единственную знакомую мне путану за руку и быстро перевожу ее через дорогу, оставляя у дома, в котором, по моим расчетам, она живет.

Заходя в холл гостиницы, замечаю ее силуэт на том же месте, где я ее бросил. Нет уж! На сегодня приключений хватит! Ни черта себе — романтическое знакомство! А может быть, надо было притащить ее назад и трахнуть? Заплачено ведь? Дудки! Я не покупаю женщин... Очередной самообман.

Дура она! А внешне — хорошенькая... И имя мне нравится... Света...

Пока засыпаю, внутренний голос издевается: «Дура-то, дура! А полсотни долларчиков напололам с прыщавым за вечер имеет...»

5

Я бегу по лабиринту, ощущая затылком горячее дыхание преследующего меня чудовища, и вдруг оказываюсь на ярко-зеленой лужайке. Рядом — женщина во всем красном; лицо ее скрыто вуалью. «Поцелуй меня!» — просит она...

И тут в мои эротико-приключенческие сны вклинивается телефонный звонок.

Гостиничный аппарат, размалеванный инвентарным номером, — это что-то! Сотворили это чудо, скорее всего, еще

при Сталине. За годы службы он потерял способность к членораздельной передаче звуков на расстояние, но «голос» его, судя по всему, окреп и теперь напоминает рев пожарной сирены. Хвала тому, кто догадался установить этого злодея на тумбочке у кровати, а не, например, в туалете! Я стаскиваю трубку, по весу и по форме напоминающую гантель, и вяло выдавливаю: «Алло!» — вежливую форму от «Какого черта?».

Это она. Звонит, чтобы извиниться.

— Ну, извиняйся! — говорю я, восстанавливая события прошедшего вечера.

Некрасиво разговаривать так с дамой, но, мне кажется, имею на то полное право.

— Я не стану оправдываться, — голос у нее усталый, — просто... прости. Деньги тебе отдаст дежурная по этажу...

Короткие гудки. Это что-то новенькое! Тем не менее, разговор оставляет неприятный осадок. Может быть, зря я разыграл обиженного — сам ведь влез в ее жизнь! А вечер действительно был чудесным... Ну вот, началось самоистязание! Забыть — и всё... Который уже час? Девять, значит, пора устраивать массовую побудку! Обзваниваю сотоварищей, злорадно представляя, как они подскакивают от телефонных трелей. Договариваемся встретиться через полчаса на выходе.

Шурик с черными кругами под глазами рассказывает о

том, как его чуть было не застучала тренерша гимнасток, а сам косится в сторону парикмахерской, где орудует ножницами смазливая девушка в джинсах и домашних тапочках на босу ногу. Его очередной выбор я тоже не одобряю, но иногда мне кажется, что Сашке интересен не сам секс, а происходящие попутно события.

Наконец, спускается Антон и вот мы уже идем по улицам, споря, в том ли месте мы вчера сворачивали.

Репетируем блестяще. Алик, два с лишним часа просидевший за угловым столиком, остается доволен. Обед за счет заведения радуется своей своевременностью. До девяти часов вечера мы свободны.

6

Зал человек на сорок-пятьдесят почти заполнен. За два часа с момента открытия никто еще не умудрился напиться, кроме одного толстяка, который левой рукой вытирает платком пот с лица, а правой гладит коленку неопределенного возраста спутницы, чем та, судя по всему, не особенно довольна. Заметно, что люди они здесь случайные. В целом, с виду, публика собралась довольно солидная — по крайней мере, в спортивном костюме не пришел никто. Все уже наговорились и теперь лениво перебрасываются короткими репликами в ожидании очередного блюда, приправленного нашим выступлением. Говорят, на прошлой неделе в этих сте-

нах выступал местный джаз-банд. Похоже, завсегдатаи подустали от рваных ритмов и духовых инструментов... Так, пора на сцену!

Пока допиваю за занавеской чай, ребята уже выводят мелодичный блюз, который плавно перетекает в реггей. Вступительные аккорды рок-н-ролла оповещают меня о том, что пора напрячься и певцу.

Я бодро выбегаю из укрытия и... спотыкаюсь о шнуры, но, падая, успеваю схватить микрофон. Петть начинаю лежа, дрыгая в такт музыке ногами. Эффектное появление! Ноет ушибленный локоть. Надеюсь, все подумали, что так задумано! В плящих на сцену глазах замечается неподдельный интерес. Шурик с Лехой трясутся от едва сдерживаемого смеха. Продолжая петть, я переворачиваюсь на живот и очень даже сексуально поднимаюсь на четвереньки. Леха не упускает возможность воспользоваться этим и играет соло, оседлав мой круп: ничего другого не остается, кроме как крутить головой. Видя такое дело, Саня ложится на пол и убивает тем самым двух зайцев: поддерживает разгульную атмосферу и не видит всего отвлекающего от попадания по струнам беспредела. С Лешкой на спине я допеваю песню, лихо сбрасывая его на последнем аккорде. Слышатся одобрительные хлопki. По моим наблюдениям за время исполнения песни не выпито ни одной рюмки. А это уже своеобразный триумф! Практически без перерыва запускаем на конвейер аналогичный номер. Несколько пар покидает сто-

лики с целью размяться танцем, но их па больше напоминают аэробику после большого перепоя. Толстяк тоже явно не прочь продемонстрировать свое кордебалетное мастерство, но пока ограничивается отстукиванием ритма по ноге соседки. И тут я замечаю Свету: она сидит за дальним столиком в компании немолодой пары, не имеющей, видимо, к ней никакого отношения. Зачем она здесь? Ищет клиента? Хотя, какое мне до этого дело? Пришла и пришла... Интересно, она танцует? Музыкальный бес не позволяет размышлять — импровизация, так импровизация! Показываю музыкантам условный сигнал, означающий, что проигрыш затягивается на неопределенное время, вставляю микрофон в стойку и бегу к столику, за которым сидит моя вчерашняя знакомая. Бросив на ходу: «Привет! С тебя танец!», буквально вытягиваю ее к «сцене», удовлетворенно подмечая, что застал «жертву» врасплох. Уловившие смысл моих передвижений ребята ехидно подмигивают, на что я не забываю показать им язык. И тут до меня доходит, что если Светлана не умеет танцевать, то мой экспромт будет напоминать весенние игрища самца дикого кабана...

Страхи оказываются напрасными. Ее движения великолепны своей пластикой! Танцевать с такой партнершей — одно удовольствие. Боковым зрением отмечаю всеобщее одобрение. Наконец делаю жест: «Достаточно!» и, вжившись в образ, в последний момент пытаюсь изобразить подобие шпагата. Джинсы немедленно реагируют на такое кощунство

разрывом по шву не в лучшем месте. Под аплодисменты я мелкими шажками провожаю партнершу к ее столику. Пока звучит вступление баллады, успеваю забежать за шторку и повязать на пояс витькину рубашку. В целях сокрытия образовавшейся вентиляции.

При звуках медленной композиции большинство посетителей покидает насиженные места, чтобы потоптаться в обществе противоположного пола, даже Толстячок оторвался от стула, дабы принародно заключить свою спутницу в потные объятия и незаметно сделать ей массаж ягодиц. В те секунды, когда он оказывается ко мне лицом, я без труда могу прочесть на нем несложную гамму фантазий, сводящихся к тому моменту, когда бесформенные ноги его пассивности окажутся у него на плечах.

Свету пригласил сосед по столику. Идиот! Приперся отдохнуть с женой, а танцует с незнакомкой! Вечером его ждет скандал. Еще и норовит облапать! Я чувствую укол ревности. Вот, дожился! Ревновать продажную женщину глупо... Дальше пою с закрытыми глазами.

Еще несколько песен и долгожданный перерыв. Дабы не дать нашим потенциальным слушателям погрузиться в алкогольную нирвану, мы оставляем у микрофона Шуру, который минут двадцать рассказывает в меру приличные истории. Из него вышел бы отличный юморист или пастор! Периодически раздаются взрывы хохота. В какой-то миг до меня доходит причина различия между ресторанной и клубной

публикой. Люди, приходя в ресторан, вынуждены развлекать себя сами в меру фантазии: хочешь, чтобы десять раз подряд исполнили твой любимый шлягер, — нет проблем! Только плати! Залейся водкой и пляши! Если недостаточно весело, набей морду ближнему! Мало? Переколоти посуду!... Здесь же пачкуется та часть человечества, которая жаждет, чтобы ее развлек Кто-то.

Шурика чествуют, как народного артиста. Дальнейшее выступление группы проходит ровно и нарушается редкими попытками Толстяка упросить нас за любые деньги исполнить что-нибудь из репертуара «АББА».

Немного за полночь мы закругляемся. Чем еще развлекают народ в этом месте до четырех утра, мне не ведомо, скорее всего, подобием дискотеки для взрослых с обилием спиртного. Кроме того, заметно, что именно в это время происходит смена основной части контингента: появляются личности в изрядном подпитии, набравшиеся где-то под «Мурку» и требующие продолжения праздника.

Ощущается приятная усталость — преимущество творческого труда. Наш наниматель доволен, он не ожидал такой резвости. Откуда ему знать, что мы не планировали устраивать на сцене скачки. Завтра можно будет обойтись без репетиции, ограничившись настройкой гитар. Жаль, что не предлагают поужинать, но успокаивает мысль, что есть после двенадцати ночи — извращение. Пока собираемся, Шурик хва-

стается, что он получил добро на стрижку в любое время суток, благо облюбованная им парикмахерша — беженка и живет при гостинице. Витька, при содействии данных статистики по венерическим заболеваниям, взывает к Сашкиному разуму. Я поддерживаю Виктора, используя в качестве довода гостиничную специфику работы его избранницы: «Она — как газировка, кто хочет — тот и пьет!». Но тут же получаю плюху от рассудка: «А что, с проститутками общаться лучше?». Посему затыкаюсь и углубляюсь в молниеносный ремонт своих «Ливайсов». Витек еще некоторое время полущутя атакует нашего ловеласа, заведомо зная, что кобелиная сущность того плевать хотела на любые аргументы.

Выходим в ночь. После подвального помещения воздух кажется необычно свежим. В редких окнах еще горит свет, улицы пусты. Нас, идущих впятером по проезжей части дороги, можно принять за бандитов. Неожиданно к нашим шагам добавляется стук каблучков. Я оборачиваюсь. Это Она! Берет меня за руку и увлекает в сторону. Обалдевшие ребята смотрят на нас, ничего не понимая. Извиняясь, пожимаю плечами и жду от Сашки попутной шутки, но он слишком поражен.

— Только не говори ни слова! — шепчет мне Света.

Сколько раз я слышал подобные фразы в кино, не осознавая их подтекст! А ведь и правда, для общения не всегда нужны слова... Иду за этой почти незнакомой мне девушкой,

как послушный ребенок. Рука у нее маленькая и нежная. Мы заходим в темный подъезд и почти на ощупь поднимаемся на третий этаж. Щелчок замка и вслед за своей проводницей погружаюсь в незнакомый мне запах жилого помещения.

У каждого дома есть особенный запах, который чувствуешь до тех пор, пока не станешь для чужих стен своим человеком... Дома у Светы, а я почему-то не сомневаюсь, что живет здесь именно она, а не какая-нибудь подруга, пахнет детством. Как пахнет детство? Для каждого по-разному. Молоком, полевыми цветами и яблоками... Вопрос: «Зачем я здесь?» в голову не приходит. Бывают в жизни минуты, когда перестает существовать значение слова «сомнение», когда время то замирает, то вдруг несется безумно куда-то, но ты не желаешь знать куда, когда все происходящее нереально, но в то же время так легко на сердце! Несколько мгновений мы стоим в темноте коридора, держась за руки, как провинившиеся школьники.

Нет! Сегодня я не ошибаюсь! Нахожу своими губами ее губы — они солено-сладкие на вкус. Мир взрывается мириадами звезд, больше я не властен контролировать себя...

Словно побитый пес плетусь назад в гостиницу. Почти рассвело. «Я не хочу, чтобы ты запомнил меня при свете дня!» — сказала Света, давая понять, что мне пора уходить.

Я не противился. Мы курили, стоя у открытого окна, разглядывая ночное небо.

— Смотри! Звезда упала! Загадай желание! — сказала она.

Я загадал: вернуться сюда еще хотя бы раз! Загадал, хотя знал, это просто кто-то этажом выше выбросил тлеющую сигарету...

«Ты можешь прийти, когда захочешь! Если пожелаешь...» — звучит в голове ее голос.

Когда захочешь... Да, я уже хочу! Но ситуацию стоит проанализировать... Эх, мышление — враг сердечного порыва.

Возвращение в гостиницу не проходит незамеченным. Процесс падения в объятия казенной койки откладывается: у стойки администратора зреет скандал. Меня дежурная тетя тоже принимается отчитывать на повышенных тонах. Кроме нас с Сашкой тут же находится и тренерша гимнасток — сурового вида дама с мускулистыми ногами. Спустя минут семь начинаю постигать смысл происходящего и причину присутствия Шурика со свежей бороздой от ногтей на левой щеке: оказывается, в момент проникновения в стан парикмахерши-беженки Санька был настигнут прошлоночной ревнивой спортсменкой. Вероятно, он пытался объяснить молодой олимпийской надежде смысл жизни, но та, будучи изрядно разозленной, не пожелала мирно остаться за бортом корабля под названием «Сашкина кровать» и учинила ссо-

ру, в результате которой слегка пострадала Санина наружность и пришла в негодность пальма, произраставшая в холле на радость постояльцам лет тридцать. Ни Александр, ни гимнастическая руководительница вину не признали, Сашку не спасло даже обаяние. Почему администраторша приняла меня за руководителя группы неведомо, но я отдаю себе отчет в том, что если прибудет милиция, то спор решится в пользу спорта, а не музыки, кроме того, перспектива выселения не привлекает. Я решаю погасить конфликт единственным возможным способом — возместить материальный и моральный ущерб. Извиняюсь перед хмурой тренершей, бросаю угрозу увольнения Шурику — тот еле сдерживается, чтобы не расхохотаться, но у него хватает ума изобразить осознание вины, — затем желаю противоборствующим сторонам спокойного досыпания и остаюсь тет-а-тет с местной блюстительницей порядка. Ее ничуть не смущает мой вопрос: «Сколько?». Она называет сумму, которая оказывается немного меньше, чем я предполагал. Округлив ее, вручаю банкноты. Тетя довольна и желает мне удачи, бормоча что-то о порядочности, которая нынче большая редкость, я же с грустью констатирую, что если деньги будут тратиться так и дальше, то домой мы будем возвращаться пешком.

По дороге в номер наношу визит вежливости тренерше. Она сидит в компании с початой бутылкой «Столичной». Отказаться составить компанию на десять минут не могу. На ее лице больше нет маски суровости — заурядная усталая

женщина лет... под сорок.

«Десять минут» затягиваются: сначала приходится выслушать рассуждения о разрыве связи между поколениями и нечистоплотности молодежи, затем банально-трогательную историю о бросившем ее — такую хорошую! — муже-мерзавце. Когда же она переводит разговор на нелегкую женскую долю, при этом нежно поглаживая меня по руке, я спешу откланяться.

Сашка ждет меня в холле. Судя по всему, он проследил мою траекторию, так как заговорщически выдает:

— Ну, ты даешь! И как старушка?

Отрицать крамольную связь бесполезно — он скорее поверит, что я отказался от миллиона долларов в пользу меньшинств негроидной расы, посему выдавливаю:

— Саш, иди спать, а? Завтра поговорим. Сегодня была странная ночь...

Он понимающе пожимает плечами, а я раздеваюсь на ходу и падаю в кровать, медленно проваливаясь в сон под шум, доносящийся из коридора от двери напротив: «Мужчина! Вы просили разбудить ровно в шесть! Уже почти семь!» Бух-бух-бух...

Два часа дня. С трудом продираю глаза. Через открытое окно в помещение проникает запах жарящихся котлет. Черт

бы побрал этот буфет снизу! Есть-то хочется, но от видения столовских котлет портится даже настроение.

Стук в дверь. Шурик. Стриженный!

— Ну, как? — Он гордо ощупывает свой налаченный чуб.

— Как окультуренный макак! — рифмую я ответ. — А ниже пупа тебе укладочку уже сделали?

— Не-е-е... Это вечером. Приглашен то ли на поздний ужин, то ли на ранний завтрак! Она знает, что до полуночи я занят, и будет ждать меня до двух...

— А ты возьми ее в клуб...

— Я пока еще в своем уме! По-моему, у нее проблемы с этикетом, да и музыкальные познания не идут дальше имени Юры Шатунова. Зато сиськи... — отвал башки! Как бы только опять не напороться вечером на эту спортивную психопатку?

Ой, не доведет до добра Саньку его резвость! Шутки ради, рекомендую познакомить ревнивицу, например, с Антоном. Шура цепляется за эту идею и мы решаем провести операцию под кодовым названием «Соитие»...

В процессе настройки инструментов происходит активная обработка Антона. Красноречию Александра нет предела: подкатывая глаза, он рассказывает о том, как его сердце вспыхнуло страстью к будущей чемпионке мира по художественной гимнастике, но она призналась, что ее сердце принадлежит другому, и этот другой никто иной, как Антон. Не

желая рушить возможное счастье товарища, Шурик, якобы, убирается с дороги, так что Антону дан зеленый свет. Благо, про ночной инцидент ребята не знают. Антон поначалу отшучивается, но самолюбие его обласкано, и он торжественно обещает встретиться сегодня же со своей поклонницей. Сашек потирает коварно руки, у меня на душе гаденько... Однако подготовительный этап завершен успешно.

Второй этап сложнее. Вернувшись в гостиницу около пяти, Шурик минут двадцать уламывал эту самую Виолу прийти на «нейтральную» территорию для серьезного разговора. Она согласилась, и вот уже бывшая парочка сидит на моей кровати на почтительном расстоянии друг от друга. Спортсменка мрачнее тучи и готова в любой момент вцепиться Сашке в уцелевшую щеку. Мне даже кажется, подай я команду: «Куси!», она бы так отделала басиста, что ему бы не парикмахерша потребовалась, а специалист по пластической хирургии. Еще бы! Не надо быть Гербертом Уэллсом, чтобы во всех красках представить, какой нагоняй она получила от руководительницы! А если еще учесть ущемленное достоинство...

Саша трагическим голосом излагает басню о том, какая она хорошая, и что даже очень ему симпатична, но есть человек, которому она по-настоящему небезразлична. Это его друг, а перейти дорогу другу он не может... Моя роль заключается в периодическом кивании головой.

В туповатых глазах Виолетты замечается интерес, отчего Шурик становится окрыленным, живописуя несуществующую Антохину страсть. Тронутая заботой Сашки о ближнем и заинтригованная воздыхателем, гимнасточка соглашается встретиться с нашим вислоухим пианистом в шесть. Шура торжествует. Он галантно выпроваживает свою одноразовую подружку. Мне опять слегка не по себе, но ненадолго: заглянув в бесстыжие глаза своего любвеобильного друга, ощущаю себя эталоном порядочности.

Шесть часов. Завершающий этап. Мы сидим, затаившись, в кустах, из которых просматривается место встречи наших «влюбленных». Антон, как обычно, пунктуален. С цветами.

— Эх! — вздыхает Саня, — Какой бы великолепный из него получился бабник! Все задатки есть, вот только характером не вышел — слишком робкий!

Наконец появляется и объект Сашкиной постельной переработки. Хорошо, что не в спортивном костюме, а то бы наш друг мог бы и сбежать... Передача цветов проходит успешно, новоиспеченная пара уходит. Коварный Шурик аж урчит от удовольствия, а потом, вдруг, начинает ругаться. Секрет прост — он влез в дерьмо, которого в кустах предостаточно. Мне везет — я благополучно покидаю наблюдательный пункт, а следом, матерясь, выскакивает герой-любовничек. По дороге в гостиницу я изредка морщу нос, отчего идущий рядом парикмахершелюб изо всех сил шаркает ногами и пе-

риодически осматривает подошвы.

— Классно все вышло! — говорит он, пока я открываю дверь номера.

— Ага! — киваю я. — Только деньги за пальму все-таки, будь любезен, верни...

9

Вечернее выступление в клубе проходит ровно. Света не пришла. От мысли, что она, может быть, сейчас обслуживает «очередного клиента», появляется горьковатый привкус во рту. Я всячески стараюсь прогнать из головы подобные мысли.

Двенадцать, и мы оставляем «рабочие места». Ночной воздух пахнет дождем и пылью. Наверное, будет гроза. Шурик бросает любопытные взгляды на Антона, тот невозможно молчит. Витек предлагает выпить дружно водочки, но получает единодушный отказ.

— Что-то сегодня тебя не встречает твой ангел... — подкалывает меня Леха.

— Мой-то ждет меня, а вот, что касается твоего, то неизвестно... — парирую я и резко сворачиваю направо, отдавая честь левой рукой.

Насчет своего ангела не очень-то уверен...

— Раз уж так, то с тобой можно? — не унимается Алексей вслед.

— С Антоном можно! — прорывает вдруг Шуру. — Там...

Что «там» я уже не слышу. Медленно иду по направлению к заветному дому. Жутко хочется курить, но лишь минуту назад выкинул бычок... Что, если она не одна? Хотя, может это будет к лучшему — поставить точку, пока не зашел слишком далеко...

Нерешительно вхожу в подъезд. Кто-то позаботился и вкрутил лампочку... Протягиваю руку к кнопке звонка, но нажать не успеваю — дверь отворяется.

— Я ждала тебя!

Мое сердце стучит как барабаны туземцев. Я здесь, а всё остальное не имеет значения! Заходя, снова ощущаю неповторимый запах детства. Может быть, это запах счастья?

Щелчок дверного замка сливается с далеким раскатом грома...

10

Светает. Так не хочется уходить! Я прошу рассказать Свету о себе. Некоторое время она молчит, потом начинает тихо-тихо говорить:

— Мне кажется, ты имеешь право знать... Я была единственным ребенком в благополучной семье. Училась на «отлично», ходила в хореографическую студию, преподаватели музыкальной школы говорили, что у меня талант... Вся эта

заварушка со сменой власти в стране на нашей семье не отразились не сильно: папа возглавил крупную фирму, мама по-прежнему занималась любимым делом — учила детишек рисовать. Она говорила, что это ее призвание... А после окончания школы у меня всё пошло наперекосяк: в МГУ не поступила, но столичная жизнь затянула, как болото — я почувствовала свободу... Ты меня понимаешь? Когда не надо ни перед кем отчитываться, во сколько вернулась домой, кто провожал... Нет, меня никогда не угнетали в семье, но мама не могла уснуть, если я задерживалась... Человек я довольно общительный, и, естественно, пока сдавала экзамены появилось много знакомых. Новоявленные друзья охотно предоставляли ночлег молоденькой симпатичной девчонке, вынашивая вполне конкретные планы. Вскоре влюбилась — он был уже второкурсником, читал умные книжки и слушал непонятную музыку. Этот человек открыл мне неведомый ранее мир — мир пьяного угара, синтетического веселья и выдаваемой за чувства похоти... Но я не замечала обмана. Тебе знакомо это чувство, испытываемое единожды в жизни, — что мир у твоих ног? Я думала, что люблю своего будущего журналиста, который лишил меня девственности на грязном диванчике в комнате общего знакомого... Парень из вашей группы, когда веселил народ там — в клубе, выдал интересную фразу: «Жизнь — ресторан! Заказывай что хочешь и сколько хочешь, но не забывай, что платить, скорее всего, придется тоже тебе!» Моя расплата не заставила се-

бя долго ждать... Я научилась курить, частенько стала опохмеляться по утрам, составляя компанию прогульщикам и тем, кому не надо было спешить на первую пару... Поначалу непрекращающаяся тошнота была поводом для шуточек, потом девчонки постарше забеспокоились. Пошла к гинекологу, догадка подтвердилась: я беременна. Все, в том числе и врачи, настаивали на аборте. Учитывая, какой образ жизни я вела последние несколько месяцев, они были правы. Сережа, мой любимый студент, на это время куда-то исчез, поэтому с шутками и прибаутками была сопровождена до женского отделения «подругами». Помню, как врач матерился вполголоса... «Влипла, провинциалочка?» — читалось в его взгляде. Помню слезы боли, унижения и раскаяния, помню, как в операционной началось оживление, помню резкую боль... Мне кажется, я даже слышала звук рвущейся нити, связывавшей душу и тело... «Наркоз! Скорее!» Чья-то пахнущая мылом рука надела на лицо маску... Через сутки очнулась в палате, малейшее шевеление вызывало боль. Потом появился немолодой врач, он сидел на краю кровати и долго-долго со мной разговаривал. Некоторые фразы до сих пор звучат в моей голове: «Тебе повезло, девочка! Кровотечение удалось остановить... Мы известили твоих родителей, они уже выехали... Гм-м.. Не совсем гуманно было бы тебе говорить это сейчас, но... тебе надо знать, у тебя никогда уже не будет детей. Что же касается тебя, то через пару дней будешь бегать!» Происходящее казалось дурным сном. Я не знала, что

говорить родителям, ведь я обманула их, сказав, что учусь на подготовительном отделении... Впрочем, они бы все поняли и простили... Но объяснять ничего не пришлось: шедший на обгон грузовик смял в лепешку новую «иномарку» папы... Едва успела из больницы на похороны. Друзья родителей предлагали обращаться «в случае чего» и растворялись в своих заботах, забыв даже думать про дочь своих бывших хороших знакомых. Набрав номер единственного, как считала, оставшегося близкого человека, который, пока лежала в больнице, снял с друзьями квартиру, услышала: «Знаешь... Людям свойственно меняться... С тобой было чудесно! Но, пойми и меня! Чем я могу помочь? Ты там, я здесь... Почему не навещал в абортарии? Как! Я же передавал приветы... В конце концов, не я принимал решение, а ты!» — Немного помолчав, она продолжает рассказ: — После всего обрушившегося на голову с трудом оставила желание перерезать вены. Поддержала знакомая, которую до этого едва ли могла назвать подругой... Постепенно в мир стали возвращаться краски, ведь даже самые глубокие душевные раны обладают способностью заживать. А потом появился Шайтан — заправила местных бандитов: «Твой покойный папаша задолжал мне пятьдесят „штук“ баксов! Забудем про проценты, но основной должок я намерен получить назад! Бедняжкой тебя не назовешь, так что ты покумекай, поскреби по тайничкам, а я на днях загляну!» Обращаться в милицию было бесполезно, спорить с Шайтаном — себе же хуже де-

лать. Где взять такую сумму? Бывшие партнеры отца пожимали плечами, его друзья, обещавшие помогать, сочувственно вздыхали, знакомым же матери такие деньги и не снились... Шайтан объявился спустя неделю. Оценил квартиру родителей в центре города вместе с мебелью в сорок тысяч, с остальной частью долга обещал повременить. Я же переехала в эту «хрущевку», завещанную мне бабушкой. На несколько месяцев меня оставили в покое. А однажды среди ночи Шайтан ввалился сюда пьяный и пожелал «заняться любовью» со мной, пообещав простить остаток долга. Получив отказ, избил, но насиловать не стал. По его моральному кодексу бить женщин можно, но изнасилование возбраняется. Уходя, процедил: «Дурная ты сука... Пожалеешь еще! Да за десять „штук“ любая супермодель сама бы меня трахала! Теперь у тебя на твоей щелке кровавые мозоли будут! Именно ею тебе придется отрабатывать дочерний долг за отца. Счетчик включился!» На следующий день пришел молодой человек с противной физиономией — с ним ты «имел честь познакомиться» в первый вечер — и объяснил значение сказанных слов: меня приписали к гостиничным шлюхам, но из уважения к покойному родителю не станут подкладывать подо всех подряд. Ищи, мол, сама, но десять баксов за сутки, будь любезна, ему заплати, в противном случае — сотенный штраф. Все же каналы для устройства на работу перекрываются! Первое время выручал небольшой банковский вклад, сделанный на мое имя, затем в ход пошли драго-

ценности матери, которые удалось забрать из отнятой квартиры... Но Шайтан рассчитал все верно: рано или поздно все сбережения должны закончиться и тогда неминуема панель. Чтобы исключить возможность бегства из города, забрал документы... К началу этого лета денег практически не осталось, штраф за неуплату долга в течение двух месяцев «съел» погашенную ранее сумму. Один из людей Шайтана передал, что еще через неделю, если не стану платить, буду наказана. А наказать могли по-разному: пустить по кругу с заезжими кавказцами, посадить на иглу, покалечить или употребить «новинку сезона» — заразить СПИДом. Все зависело от настроения вожака, который не поощряет убийств, но явно не из гуманных соображений. В народе поговаривают, что его точка зрения сводится к следующему: «Провинившийся человек должен настрадаться так, чтобы смерть показалась ему избавлением!» Я была загнана в угол, возненавидела себя, но людям свойственно цепляться за жизнь — всегда таится надежда на лучшее. Ничего не оставалось, кроме как явиться к гостинице — своему новому рабочему месту. В конце концов виновата во всем только я: из-за меня погибли родители, я лишила себя радости материнства...

Дрожащими руками она пытается прикурить сигарету.

— Но, прийти-то — пришла, а надо же еще найти желающего... Это тоже было частью плана Шайтана — самостоятельный поиск клиента... Кому я нужна при наличии так хорошо отлаженной системы? Разве что какому-нибудь ма-

ньяку-сифилитику или пьяному колхознику... Переступить через себя так и не смогла, забилась в дальний угол аллеи, размышляя, а не свести ли, наконец, счеты со своей поганой жизнью... Вот тут и появился ты, став на какое-то время объектом моей ненависти. Через несколько минут общения я поняла, что ты — неплохой человек, и решила, что раз уж вышла на позорную тропу, а покончить с собой все равно не хватит мужества, то пусть первым будет такой, как ты... То, что заинтересовала тебя, было видно сразу, но, знаешь, постепенно и я стала испытывать к тебе симпатию. Когда же мы оказались в номере, то, слушая твои песни, окончательно поняла, что если дело и дойдет до постели, то не смогу даже заикнуться о деньгах... Ты очаровал меня. А потом встреча с этим придурком. Я думала, что больше тебя не увижу. Мне было так гадко! Кому охота связываться со шлюхой. Смешно: ты второй мужчина в моей жизни, а первый был до того, как я стала проституткой... Хочешь — верь, хочешь — нет...

Не зная, что сказать, просто привлекаю ее к себе и целую. Потом, не удержавшись, спрашиваю:

— А откуда у тебя сейчас деньги? Ты же вернула мне довольно большую сумму?

— Я откладывала на «черный день», думала, что соберусь с духом и однажды сбегу прочь из этого поганого города. Но здесь могила моих родителей, а родственников у меня нет...

— Может, стоило все-таки обратиться в милицию? — у

меня в голове не укладывается, что можно безнаказанно унижать человека.

— Бессмысленно! Даже если они возьмутся за подобное дело, то, что я смогу доказать? Зато меня тогда уж точно ждет несчастный случай!

11

Пытаюсь уснуть, но сон не приходит. Лежа в убогой гостиничной кровати, в который раз прокручиваю в памяти наш разговор. Сердце отчаянно сражается с разумом: Может, это какая-то афера? — Но наше знакомство, вроде, случайно. — Думает, что я сжалюсь и дам ей кучу денег? — Не похоже. Скорее просто хотела выговориться, объяснить ситуацию.

Решительно выпрыгиваю из кровати и начинаю искать записную книжку. Нахожу, после чего принимаюсь терзать чудо-телефон. Сделав десяток попыток, вспоминаю, что из подобных заведений редко имеется выход на АТС — приходится идти брать талончик у администратора. Оператор службы «07» обещает соединить с Москвой в течение часа.

Слоняюсь по комнате, от табачного дыма аж глаза слезятся. Разум одержал временную победу, а задумка проста — проверить хотя бы одну деталь из рассказа моей новой знакомой. Ее родители погибли при въезде в столицу, значит, Костик сможет мне помочь.

Константин — старый армейский друг. Довольно стран-

ный парень... Сын высокопоставленного чиновника МИДа, он — наперекор родителям — не увлекся дипломатической карьерой, втихоря призвался служить в армию на общих основаниях, попав с простыми смертными, вроде меня, на африканский континент.

Официально почтовый адрес нашей части значился — город Москва, на самом же деле мы оказывали практическую помощь противникам диктаторского режима дружественной до переворота страны. К боевым вылазкам, по понятным причинам, нас не привлекали, но местное население слагало легенды об «Отряде Белых Обезьян» — специалистах по минированию в условиях джунглей. Традиционно принято считать, что Африка — сплошная пустыня с встречающимися кое-где оазисами, однако, на самом деле это не так.

Компашка там у нас подобралась пестрая: профессиональный скрипач Дима, который по простоте душевной в военкомате попросился служить в оркестр; мастер спорта по самбо, мой земляк Игорь — безобидная в быту стодвадцатикилограммовая груда мышц; закоренелый пофигист Юрий, на гражданке специализировавшийся на рихтовке машин, мечтая о журфаке; бог весть, откуда взявшийся химик Валера, призванный в возрасте 27 лет; фельдшер Серега; веселый литовец Далюс; Константин и я. Было еще несколько насильников, укрывшихся в Вооруженных Силах от уголовной ответственности, да дюжина вчерашних пэтэушников и каких-то замкнутых личностей, но все они держались от нас

на расстоянии.

Предыдущая группа по-быстрому передала нам свои знания и убыла на «Большую землю». С командирами отношения сложились дружеские — мы были ребятами толковыми, поэтому имели льготы: никто не обращал внимание на связи Валеры с медсестрой Юлей, работавшей в лагере повстанцев по линии Красного Креста, периодические выпивки, игнорирование распорядка дня и отсутствие политподготовки. Сами военные начальники также не скрывали, что пользуются половыми услугами аборигенок и гонят самогон. Кому какое дело, ведь приказ Родины мы исполняли добросовестно? Пристрастившемуся же к какой-то местной «дури» замполиту ни до чего не было дела.

Нашему призыву, говорили, еще повезло — было затишье в боевых действиях, раз в месяц исправно завозили почту, продукты и получку в... долларах. Ходили упорные слухи, что вот-вот нашу роту расформируют и распустят по домам, независимо от того, отслужили мы срок или нет, однако смена прибыла только два с половиной года спустя. За это время мы провели более сотни вылазок, минирова стратегически важные объекты противника и ведущие к базе тропы. Обычно для выполнения заданий мы удалялись от лагеря на много десятков километров, близкие же разрывы подтверждали, что в наши ловушки угодил либо зверь, либо солдат правительственных войск, либо кто-то из жителей окрестных деревень...

Так и не вернулась группа Далюса. Заблудились? Попали в плен? Что случилось, никто никогда не узнает, остается только гадать, каким образом известили родственников. Списали все на Афган? Ведь в отличие от той войны, наше присутствие на другом континенте держалось в строгом секрете. Еще оторвало три пальца на левой руке Диме. Он очень переживал и с еще большей настойчивостью обучал меня нотной грамоте... Игорь планомерно вдабливал в меня приемы самбо... Я безрезультатно пытался давать уроки игры на гитаре Юрику... Костик сварганил подобие спутниковой антенны, благодаря чему мы смотрели телепередачи десятка стран в безобразном изображении...

К прибытию судна мы настолько одичали, что даже, когда спустя две недели ступили на родную землю в новенькой парадной форме и сели в поезд до Москвы, сограждане шаркались от подозрительной группы загорелых солдат, разговаривавших на непонятном диалекте.

Расставаться было тяжело, ведь столько пережито вместе! Но еще долго призрак далекой чужой страны преследовал наш отряд: спился до нечеловеческого состояния Дима, похоронив мечту солировать когда-либо в симфоническом оркестре, до сих пор случаются приступы тропической лихорадки у Игоря, а Юрик привез оттуда СПИД. Говорят, что умирал он в ужасных мучениях... Валера женился-таки на той самой медсестре, вскоре развелся, а потом эмигрировал в Новую Зеландию; куда подевался Серега, понятия не имею.

Только мы с Костей, помимо дружбы, умудрились сохранить здоровье и оптимистические взгляды на жизнь.

Год назад мне удалось разыскать командира нашей маленькой роты. Он рассказал, что через месяц после убийства нашей группы лагерь повстанцев был стерт с лица земли правительственной авиацией. Уцелел лишь он и один из новобранцев. Им удалось связаться по радиации с находившимся неподалеку кораблем ВМФ СССР. Их взяли на борт. Из армии уволился, работает охранником в банке. Выпив лишнего, на чем свет стоит проклинал негров и ЦК КПСС...

Звонит телефон. Телефонистка соединяет меня с Министерством внутренних дел. Костя там большой человек — целый начальник управления обработки и анализа информации.

— Доброе утро! Белякова пригласите, пожалуйста!

— Одну минуточку... А кто его спрашивает? — натыкаюсь на приятный женский голос.

— Скажите, что Пьеро, он точно согласится поговорить!

«Пьеро» — мое армейское прозвище, полученное за исполнение по большей части жалостливых песен. Я слышу, как она кричит кому-то: «Скажи Константину Егоровичу, что ему по первой линии какой-то идиот звонит, представился то ли Пьеро, то ли Перов... Будет разговаривать?»

Через несколько секунд слышу знакомый голос:

— Андрюха! Привет! Какими судьбами? Куда ты запро-

постился?

Коротко повествую о своей жизни. Мы не виделись около года. Последний раз, будучи проездом в Первопрестольной, я останавливался у него дома. Тогда мы проболтали всю ночь, забыв даже откупорить экзотическую бутылку.

— У меня к тебе дело. Посмотри по сводкам, была ли около двух лет назад авария где-то на въезде в Москву на Симферопольской трассе. Машина — «Опель», запиши... — Диктую номер, который запомнил, разглядывая одну из фотографий. Слышно, как он щелкает по клавишам компьютера, а я молюсь, чтобы нас не разъединили раньше времени.

— Ага, вот есть... Мужчина и женщина... В обоих случаях — летальный исход... Машина восстановлению не подлежит... Водитель КАМАЗа, нарушивший правила, получил восемь лет «химии»... У них еще осталась дочка, к которой они спешили в больницу. Кстати, она живет в твоих краях, зовут — Светлана. Адрес нужен?

— Нет.

— А что случилось?

— Ваше время истекло! — вклинивается скрипучий голос оператора.

— При встрече расскажу! Спасибо!

Сказать «пока» уже не успеваю — короткие гудки оповещают о том, что телефонистка исполнила свой долг, однако забыла отключить линию от коммутатора — телефон выдает непрерывную трель больше минуты. Еще немного и я раз-

несу этот инвентарь вдребезги!

Значит, рассказанная мне история — правда.

Размышляю над внезапно охватившим меня чувством. Очевидно, подсознательно эта мысль появилась намного раньше. Но правильно ли я поступаю? У меня есть сбережения — около семи тысяч дьявольскими американскими деньгами: откладывал последние три года, отказывая себе даже в новом музыкальном центре. Мечтал, что накоплю на аренду хорошей студии и выпущу диск, пусть даже за свои кровные... Привлеку несколько хороших музыкантов...

А, была — не была! В жизни есть место подвигу! Решительно набираю номер мобильного телефона Славика, благо сотовой связью охвачен весь регион и бежать за талончиком не нужно. Мне противно обращаться к этому человеку, но другой источник наличности с неопределенным сроком отдачи мне неизвестен. Наконец, звучит его растягивающий гласные голос:

— Слушаю!

— Привет! Это Андрей — брат твоей жены.

— Опля! Ты откуда? — Он удивлен. За год, что он женат на моей сестре, мы общались два раза: первый — на свадьбе, а второй — на семейном торжестве, посвященном рождению их дочери.

Не вдаваясь в подробности, прошу у него займы.

— Конечно, братишка, подъезжай! До двух я в офисе. Тебе рублями или валютой?

— Без разницы. Спасибо, заеду, — уверяю я и даже ощущаю подобие симпатии к своему зятю.

Что ж, колесико закрутилось! Надо бы разузнать, как часто меня роняли в детстве?

Отправляюсь в клуб. Алик должен знать выход на местных бандитов. Он еще не подошел, поэтому веду светскую беседу с низколобым вышибалой, у которого оказывается вполне человеческое имя — Вова. Лет пять тому назад он чуть было не выиграл какой-то крупный чемпионат по вольной борьбе. Работа в клубе ему нравится — «не пыльная, только музыка вечно дерьмовая...»

Минут через десять разговор начинает меня утомлять, но приходит спасение в лице Алика.

Он удивлен:

— Зачем тебе Шайтан? Устроить встречу — без проблем, но, если у тебя с ним неприятности, то скажи сразу. Честно говоря, я не хотел бы оказаться в немилости...

— Всё в порядке! У меня к нему выгодное предложение.

— Ладно, подходи после обеда...

Автовокзал напоминает филиал свалки. Ближайший по расписанию транспорт будет через три часа, поэтому сажусь в импровизированное междугороднее такси. Компанию мне

составляют две будущие культпросветработницы, которые просят водителя включить не имеющую никакого отношения к культуре музыку, и дедок, обильно взбрызнутый дешевым одеколоном. Мне удастся уснуть; сквозь сон слышу, как высаживается где-то на полпути дед, после чего одна из носительниц культуры в массы намеками предлагает водителю — молодому парню — рассчитаться по приезде натурой. У того не хватает ума отказаться. Да заглушите же вы этот дурацкий музон!

Вот и дома! Принимаю душ, поглядывая на часы. Славик — такая личность, что может уехать куда-нибудь намного раньше — где потом его ловить? — поэтому с мокрой головой мчусь в его резиденцию.

Тот на месте. Секретарша с кукольным личиком, тыкающая одним пальцем в клавиатуру машинки «Оливетти», просит подождать «пока Вячеслав Иванович освободится». «Ах! Он уже в тюрьме? — Так и подмывает спросить меня. — Ждать пятнадцать лет я не могу!» Разумеется, молчу. Меня злит неприкрытое чванство: ради чего было усаживать эту курицу, которая в слове из трех букв наверняка делает не менее четырех ошибок? Зачем этот кожаный диван, внутренний телефон, ковровое покрытие? Престиж? Ты что — официальный представитель кампании «Вольво»? Все и так знают, что ты — директор мясокомбината, и без пластиковых рам на окнах уважаемый в городе человек! Впрочем, по-

чему бы и не покичиться? Колбасный бизнес вечен!

Ждать приходится четверть часа. Злорадно отмечаю, что у секретарши кривые ноги, и силюсь представить выражение размалеванного лица, когда шеф укладывает ее на рабочий стол. И чего я такой ядовитый?

Вот и Славик. Вышел проводить какого-то особенно ценного посетителя. Предполагаю, что ему недостает простого человеческого общения, но спасать его душу уже поздно, во всяком случае, у меня нет желания делать это. Несколько дежурных фраз, и через пять минут становлюсь обладателем свертка с личностью, получив напутствие:

— Отдашь, когда сможешь! Мы же свои люди...

Определенно, в Славике есть нечто положительное, на мой взгляд!

13

С темными кругами под глазами ровно в четыре предстаю перед Аликом, держа в руках пакет, в котором — по моим меркам — находится целое состояние.

— Я договорился. Володя проводит тебя. Между прочим, твои ребята приходили, они понятия не имеют, куда ты исчез. Не заблудись вечером! Вам еще четыре раза выступить надо!

Володя-вышибала настроен по отношению к моей персо-

не уже менее враждебно. По дороге он рассказывает историю о том, как вчера около трех ночи один из посетителей разбужился так, что пришлось набить ему рожу. Смакуя подробности и перечисляя отметины, оставленные на лице незадачливого дебошира, громила, кажется, счастлив.

Но вот мы на месте. Характерные для боевиков декорации отсутствуют. Меня никто не обыскивает на предмет наличия гранатомета, не видно также вооруженных до зубов охранников. Полуподвальное помещение, скромная вывеска — «Частное предприятие «Надежда», никакой приемной с секретаршей. Открываем обычную дверь...

В комнате уже заметны признаки цивилизации. Бросается в глаза громадный сейф. За столом сидит невзрачный человек «за сорок» и увлеченно играет в компьютерную игру. Маленькие глазки моего проводника начинают испуганно бегать.

— Вот... Это тот самый наш музыкант, с которым Вы согласились встретиться. Я и привел...

— Хорошо. — Шайтан (а это, судя по всему, он) отрывается от стрелялки, жестом предлагая мне присесть. — Я полагаю, обратную дорогу он найдет сам!

Вова бесшумно, что не вяжется с его комплекцией, исчезает за дверью.

— В чем, молодой человек, проблема? — Хозяин кабинета прикуривает сигарету и бросает пачку мне. Достая свои — невежливо отказываться от угощения, но терпеть не могу

«Уинстон».

В его лице есть что-то среднеазиатское, что придает довольно заурядной внешности злобный и властный оттенок — не случайно же его прозвали Шайтаном, а не, скажем, Чертом!

— Здесь, — я ставлю на стол пакет, — десять тысяч долларов, частично рублями. Ровно столько должен один известный нам человек...

— Мне нравится, как ты ведешь переговоры! — Шайтан улыбается, потом вдруг его глаза загораются недобрым светом. — Послушай меня, сынок! На кой хрен тебе эта телка? Баб в городе — за всю жизнь не перетрахаеть! Задаром! Или... Может быть, ты хочешь, чтобы она работала на тебя? Вперед! Лет через двести окупится!

Приступ гнева прекращается так же резко, как и начался. На лице опять улыбка.

— Впрочем... Я — деловой человек и не могу отказаться от выгодной сделки! — Он берет пакет, открывает сейф и швыряет внутрь деньги, не пересчитывая, затем протягивает извлеченный паспорт, в который вложены еще какие-то бумаги, и заявляет:

— Приятно было познакомиться! Постарайся не обидеться, но ты — идиот! Если назреет желание провести гуманитарную акцию и выкупить всех местных мразей, обращайся, не стесняйся! По десять «штук» за каждую, а? Или даже по восемь, но оптом!

Отвечаю, что подумаю над этим заманчивым предложением. Мне не до шуток и слишком велико желание разбить об его голову монитор. На всякий случай удостоверяюсь, что это нужный мне «краснокожий» документ. Шайтан машет на прощание рукой и возвращается в свою виртуальную реальность. Пока я поднимаюсь по лестнице, в ушах стоит его самодовольный смех...

«Что сделано — то сделано!» — думаю по дороге в гостиницу и, как ни крути, ощущаю себя героем. Но нет-нет да кольнет мысль: «А может, этот потенциальный уголовник не так далек от истины?»

Хватит! Прочь, мысли, прочь!

Шурик на условный стук не открывает, поднимаюсь этажом выше к Витьке. Он смотрит телепередачи по гостиничному ящику, воспроизводящему исключительно полутона серого, хотя разноцветная символика на панели свидетельствует об изначально цветном кинескопе.

— Куда ты пропал? Ой, уведут вас с Шуриком гетеры под белы ручки в ад! — По интонации заметно, что Витек по-доброму нам завидует.

— Домой надо было срочно смотаться.

Не хочется ни врать, ни вдаваться в подробности.

— Какие-то проблемы в семье?

— В некотором роде... Вить, я сегодня, считай, не спал. Стукнешь часиков в восемь? А то засну прямо на сцене!

— Да ладно! Об этом, можно подумать, он беспокоится! Скажи, что будет испорчено ночное свидание! Иди, спи. Позвоню, но пораньше. Что, я один должен этого коня по имени Саша отлавливать?

На этот раз в его словах проскальзывает упрек. Не удивительно: готовясь к поездке, мы планировали побольше времени уделить репетициям, поработать над новым репертуаром, а в итоге все разбредись кто куда. Так что сказать в свое оправдание нечего.

Вот и долгожданная блиноподобная подушка. Господи! Как же я устал! Погружаясь в тяжелый дневной сон, слышу голос Шайтана: «Снижаю цену до пяти... Забираешь всех сразу?»

14

Сашку искать не приходится. Гладко выбритый, с засосом на шее он расхаживает по этажу, напевая отрывки из оперетт Кальмана. Видя мою помятую физиономию, он цокает укоризненно языком:

— Первое правило донжуана: не доводи себя до состояния, когда твое отражение напоминает скомканную туалетную бумагу! И, вообще, где тебя носило?

— Лежал под кроватью парикмахерши! Думал, будет весело, но уснул со скуки. Я был о тебе лучшего мнения...

Не съязвить не могу, Шурик же загадочно улыбается.

— Ты отстал от жизни, мой друг: с Повелительницей ножиц покончено! Мы не сошлись характерами — ей нужен постоянный клиент. Зато я познакомился сегодня с та-а-акой дивой... Страшна — меры нет! С виду — образец лахудрости, но умненькая. Я намекнул, что не мешало бы ей изучить потолок над моим спальным местом — она не против. Живет по соседству с тобой, между прочим. Аж из Саратова! Тс-с-с... Идет!

Так как стою спиной, то не могу лицезреть явление дальней родственницы Бабы-яги в полной красе. Данное Шуриком описание оказывается поверхностным. Батюшки! Мягко говоря, невзрачная особа... Но в то же время, отчасти, понимаю Сашку — просыпается нездоровое любопытство: а все ли под одеждой у нее, как у людей?

— Знакомься! Это Рита! — Представляет мне свою новую цель Саня.

Знакомлюсь. Что-то привлекательное в ней все-таки присутствует — глаза и густой низкий голос. Родись она мужчиной, вышел бы вполне сносный молодой человек. Сходят же с ума дамы от Роберта Де Ниро! А теперь представьте его голову на женском туловище с безобразной фигурой и — получите подобие Риты.

Спускается Витек. Мне показалось, что он непроизвольно вздрогнул, глянув на Маргариту. Тем не менее, сообщает, что ему приятно познакомиться, и добавляет:

— Сударыня, извините! Нам пора!

Пока мы раскланиваемся, Шурик что-то шепчет ей на ухо. Она улыбается, обнажая неровные зубы, но в ее глазах грусть. Мне жаль ее...

По дороге в «Слоновую кость» ни я, ни Виктор не говорим ни слова.

Впервые в жизни петь для меня в тягость, раздражают даже Сашкины монологи в перерыве.

— Что случилось? — выпытывает Леха. — Какой-то ты странный сегодня. С «ангелом», что ли, поссорился?

Как могу объяснить то, что сам не до конца понимаю? Пытаюсь отшутиться, обвиняя алкоголь. Скорей бы вырваться из этих давящих стен!

Наконец, откланиваемся. В отличие от меня, настроение у остальных приподнятое — даже всегда серьезный Витька выдает одну шутку за другой.

— Ладно, гудбайте! — говорю я и откалываюсь от общей пятерки.

— Я тебя часиков в восемь вечера подниму, не рано? — вопрошает Витька и машет рукой.

Храню молчание.

— У Андрюхи поехала крыша... Влюбился, что ли? — слышу голос Алешки, и тут меня осеняет: вот в чем причина моей дисгармонии с миром!

Мигом все встает на свои места. Диагноз поставлен! То, что казалось болезнью, оказалось полным ее отсутствием!

Мои размышления прерывает хриплый голос из темноты:
— Братишка, закурить не найдется?

Присмотревшись, замечаю качающийся силуэт.

— Найдется!

Лезу в карман и протягиваю во мрак пачку, рука просившего забирает ее. Очевидно, пальцы его не слушаются — он роняет на землю зажигалку и, смачно ругаясь, пытается нащупать ее в траве, став на четвереньки. Подсвечиваю ему своей, но безуспешно. Желаящий закурить жутко пьян. С горем пополам забираю назад свои сигареты, потом прикуриваю одну и протягиваю всё еще стоящему на четырех конечностях человеку. Тот рассыпается в благодарностях и предлагает выпить за знакомство.

— Иди-ка лучше домой, кормилец! — бросаю напоследок.

Искушение явиться с букетом цветов слишком велико, поэтому слегка изменяю маршрут в ту сторону, где вчера приметил клумбу с розами. Другое место, где я смог бы разжиться цветами в такое время суток, на ум не приходит.

Рвать розы на ощупь — не самое умное занятие. Исколов все пальцы, в итоге ощущаю тяжесть изрядного «веника». Да, знаю, что это некрасиво... Но больше так не буду! И слава богу, никто не застукал! Позор был бы!

Вот и заветный подъезд. Кое-как привожу букет в порядок, гордо отмечая, что даже в темноте неплохо разбираюсь в цветах.

Последние метры до двери... И вот уже шепчу, целуя влажные от слез щеки:

— Я люблю тебя. Я понял, что люблю тебя...

— Я тоже тебя люблю. Мне... Мне на какой-то миг показалось, что ты больше не придешь. Какие красивые цветы! Мне никогда никто не дарил розы, кроме папы... Ты не уйдешь сегодня? Я так хочу уснуть у тебя на плече...

15

Света спит. Лицо ее безмятежно, волосы разметались по подушке... Лежу рядом и люблюсь ею. Наконец, нежно целую ее в припухшие губы и осторожно, чтобы не разбудить, встаю и одеваюсь. Пора идти, ведь я клятвенно пообещал ребятам отрепетировать с ними несколько новых песен. Перенесу на завтра благодатный миг погружения в сон в объятиях любимой женщины!

Старомодно тикают настенные часы, отмеряя очередной отрезок жизни. Как у бабушки... Когда я был совсем маленьким, она изредка доверяла мне заводить их красивым ключиком, который хранился в хрустальной вазе рядом с фотографией деда...

Нахожу тетрадный листок и пишу записку. Не могу же просто исчезнуть? Вскоре ловлю себя на мысли, что исписал его уже с двух сторон. В заключение делаю приписку: «К сожалению, я не мог поздравить тебя с двадцатилетием, так как

мы не были тогда еще знакомы, поэтому с некоторым опозданием исправляю положение дел. А это — мой подарок!». Кладу записку поверх вырванных из неволи документов и на цыпочках покидаю квартиру. Дверь удастся захлопнуть бесшумно...

У меня великолепное настроение! Захожу в гостиничное здание и с удивлением замечаю, что жертв и разрушений нет. Проскальзываю к своей комнате. В дверь воткнута записка, в которой корявым Сашкиным почерком написано: «Приложи ухо к двери комнаты Антона! Это что-то!» Ну, уж нет, до такого я не опущусь, тем более, что Антоха едва ли дотянул до восхода солнца... Что ж, порадуемся за скромного музыканта: победы на интимном фронте как ни что иное добавляют мужскому роду уверенности в себе! Прохожу внутрь и обнаруживаю еще одну записку, сунутую под дверь: «Вы с Сашкой — гады! Но я на вас не обижаюсь.» А за что на нас обижаться? Была бы у тебя, Антоша, еще одна бездарно проведенная ночь, а так — ты поднялся на ступеньку в сексуальном хит-параде, и, если в ближайшее время в тебе не проснется желание поставить галочку еще и напротив имени парикмахерши, то будет все нормально — разъедетесь в разные стороны и останутся ваши романтические встречи в гостиничной полуторке приятными воспоминаниями. Мо-

жет, даже письмишко когда-никогда черкнете друг дружке... Стоп! Значит, и у меня будет так же?

За стеной слева слышатся сдавленные рыдания. Будьте вы прокляты, строители и проектировщики этого здания — по вашей милости человек и поплакать не может в свое удовольствие, чтобы не мешать спать другим! Кажется, именно с этой стороны проживает новая приятельница Сашки? Неужто и этой «красотке» успел разбить сердце? Придется в очередной раз оказывать помощь брошенной жертве полового бойскаута. Стучу в соседнюю дверь.

— Открыто... — раздается усталый голос Риты.

«Изумительный тембр! Интересно, она поет?» — прикидываю я.

Она сидит, забившись в угол кровати, обхватив руками колени. Волосы растрепаны, глаза заплаканные, из-под короткой шелковой рубашки, стоящей — насколько я разбираюсь — немало, выглядывают симпатичные трусики.

— А тебе чего надо?

Вопрос адресован мне.

— Если честно, то мне хотелось бы выспаться, но я скорее усну рядом с включенным отбойным молотком, чем слыша за стеной всхлипывания. Что стряслось?

Присаживаюсь на край кровати.

— А оно тебе надо? — она смотрит на меня глазами, полными ненависти. — Что случилось? Какой, полюбуйтесь, участливый! А вот что случилось: думаешь, сама не знаю,

что я — уродина? Как-никак иногда в зеркало поглядываю. Но я тоже человек! Бог с ними — лаской и нежностью, есть же еще и плоть! Мне скоро тридцатник, я — здоровая женщина... Мне мужик нужен! Что в этом зазорного? «Умная!» — единственный комплимент в мой адрес, а что проку со всех этих золотых медалей и «красных» дипломов? Вот ты... — она придвигается ко мне поближе, и я отмечаю, что кроме всего Рита изрядно выпила. — Скажи, ты хочешь меня? Если да, то бери, пользуй!

Она начинает стягивать ночную рубашку, под которой оказываются непривлекательные широко посаженные груди с крупными сосками.

— Не унижайся! — говорю я, укрывая ее простыней.

Не хватало еще истерики!

Голова Риты безвольно падает на подушку, глаза закрыты, но даже через сомкнутые веки пробиваются слезинки. Она шепчет:

— Представляешь, сначала всё было так хорошо... Я, как дура, бегала целый день по магазинам — выбирала ночную рубашку... Купила. Красивую... Не собиралась же я его женить на себе... А друг твой сбежал... Нет, он не потешался надо мной, просто сказал, что сейчас вернется... Ждала два часа. Я устала ждать... Да и не виню его... Поцелуй меня, ну, пожалуйста!

Наклоняюсь и ласково касаюсь губами ее лба.

— Тебе нужно поспать. Проснувшись, ты согласишься на

мир другими глазами!

— Ты — добрый...

Еще некоторое время сижу и глажу некрасивую саратовскую девчонку по голове, пока не слышу ровное дыхание. Нахожу на столе ключ и запираю номер снаружи. Ключ же просовываю в дверную щель, куда при желании можно протолкнуть и пылесос.

Ну, Шурик, такого свинства я от тебя не ожидал! Неужто он не понимает, что больно бывает не только когда, например, колют иголкой? Да всё он понимает! Скорее всего, смекнул, что в этот раз не сможет похвалиться своими мужскими способностями, и ретировался. Это понятно, не ясно только, зачем было заходить так далеко?

Проснувшись, долго лежу, размышляю. Мужик я по части женщин довольно искушенный. В отличие от некоторых никогда не вел картотеки, да и не было для меня соблазнение самоцелью — просто катился, как перекасти-поле, от одной к другой. Влюблялся несколько раз, но как-то быстро остывал, старался никого не обижать, а если и были такие, чьи планы в отношении меня остались нереализованными, то я тут ни при чем. Да и встречался, как правило, с себе подобными.

Вполне возможно, один случай наложил отпечаток на всю жизнь...

Я заканчивал десятый класс, когда у нас заболела учительница по иностранному. Ей на замену прислали студентку. Английский язык всегда был одним из моих самых любимых предметов, но, столкнувшись с неопытным преподавателем, решил разыграть из себя балбеса. Заканчивалась последняя четверть — пора было выставять итоговую оценку, а тут ЧП — почти весь год ученик получал «пятерки» и, вдруг, за месяц стал невменяемым. Остальные учителя, уверенные в моих способностях, предложили «англичанке» позаниматься со мной дополнительно, что она и сделала.

Мне нравилось ходить к ней после школьных занятий. Она снимала квартиру в другом конце города, и если я являлся, не заходя домой перекусить, то зачастую угощала меня обедом. Уже после второго занятия она поняла, что ее ученик не тупой, но дополнительные уроки оплачивались — а кому помешают лишние деньги? — поэтому мы добросовестно болтали на приближенные к иностранному языку темы: зарубежная культура, музыка... Видимо, ей тоже нравилось встречаться, но меня подкупало еще и другое: она была очень красивой, и хотя в свои двадцать два казалась мне — почти восемнадцатилетнему пацану — староватой, любил исподтишка разглядывать ее стройные ноги и дожидаться момента, когда она нагнется за чем-нибудь, а я, не столько увижу, сколько дофантазирую, сокрытые под домашним халатиком тугие груди с аккуратными коричневыми сосками.

На последнее внеурочное занятие я явился с тортиком и

купленной на сэкономленные на завтраках деньги бутылкой шампанского, здраво рассудив, что учительница не настоящая, поэтому вряд ли торжественный напиток будет расценен как игнорирование субординации.

Она очень обрадовалась и попросила меня побыть на кухне, пока переоденется во что-нибудь подобающее случаю. Я сидел на табуретке, пытаюсь рассмотреть в висящем в прихожей огромном зеркале происходящее в комнате. Частично это удалось...

Потом мы пили шампанское и было очень весело. В голове шумело, меня сводила с ума непосредственная близость объекта эротических грез. Поймав мой полный восхищения взгляд, наставница смутилась, но неожиданно, серьезно спросила:

— Я тебе нравлюсь, ну, как женщина?

— Да, Вероника Николаевна! — робко выдохнул я.

— Но ты меня боишься!? А женщин не нужно бояться. Между прочим, я еще не настолько ветхая, чтобы отзываться на Николаевну во внерабочее время. Просто Вероника, договорились?

Она села со мною рядом на диван.

— Ну же! Я не кусаюсь!

Мне казалось, что я теряю сознание. Руки дрожали, но я решился — резко прижал свой рот к ее манящим губам. Она отстранила меня.

— Нет, не так. Запомни: ты должен быть нежным...

Потом села ко мне на колени и поцеловала сама.

— Вот так!

Я оказался понятливым учеником.

Незаметно мы перебрались в ванную, а оттуда на расправленный диван. Я упивался неизведанными ранее ощущениями... Для меня не существовало никаких табу, я покрывал поцелуями первое в своей жизни прелестное женское тело, никуда не торопясь и стараясь не думать о том, что буду делать дальше, ведь к тому времени мне уже было известно, что интимная близость мужчины и женщины не ограничивается одними поцелуями. Но волновался напрасно — в какой-то момент учительница Вероника перевернула меня на спину, избавив от дальнейших действий, которые — по бытующему мнению — подсказала бы сама природа...

Больше мы не встречались. Учебный год закончился, в журнале красовалась положенная «пятерка». Потом — экзамены, выпускной... Я без проблем поступил на факультет иностранных языков и с чистой совестью уехал к родственникам в Крым. Когда же, вернувшись, зашел поздравить ее с Днем рождения, который был 22 августа, дверь никто не открыл. Тетечка-соседка сказала, что снимавшая квартиру девушка выехала. Уже учась в институте, узнал, что, не доучившись до 5-го курса, Вероника была отчислена и уехала из нашего города. По слухам, за аморальное поведение.

Спустя годы я много думал о произошедшем между нами и не находил причин для осуждения этой девушки ли-

бо сожаления о случившемся. Скорее всего, она не имела права играть с наивным мальчиком, словно с котенком; возможно, она использовала меня для удовлетворения странной прихоти или любопытства; безусловно, это не было любовью, но это не было и изнасилованием. Хотелось бы верить, что случился приступ страсти или слабости. Никогда не жалел о тех трех часах, проведенных в объятиях несостоявшейся учительницы! В конце концов, свой первый опыт я получил не в подвале, не закрывшись с кем-нибудь в туалете, когда полон дом гостей и всем срочно требуется справить нужду, не в грязной палатке, соседствуя с подобной парой... Кроме того, за один-единственный урок я постиг то, что до многих не дойдет никогда: к женщине нужно относиться нежно, ее нужно боготворить, показывая это всем своим существом, и тогда она будет твоей! А чего стоит данное мне на прощание напутствие: «У тебя волшебные руки! И, вообще, из тебя будет толк! Все, кто в юбках, берегитесь!»!? Уверен, что шотландцев она в понятие «все» не включила...

Мои воспоминания вперемешку с рассуждениями прерывает стук в дверь. Нехотя плетусь открывать. В комнату проskalьзывает Сашка.

— Кажется, не заметила... Привет! Не разбудил?

Он плюхается в потрепанное кресло.

— Сам ты — Привет-Неразбудил, обещавший вернуться!

— Зевая, натягиваю джинсы. — Сань, объясни мне бестолковому, зачем ты затеял это дурацкое шоу с Ритой? Мне не

составило труда вытереть ей слезы, но было искренне жалеть ее! Она — хороший человек!

— Ну, вот! Мне стыдно, и сейчас я сам заплачу! — говорит он, открывая бутылку пива. — Если серьезно, действительно получилось некрасиво. Мне было приятно с ней пообщаться, но когда представил, как целую ее бесформенные бедра, аж дурно стало! Я женщин насквозь вижу: знаю, что переспи с ней, в дальнейшем не было бы никаких проблем. Уж чего-чего, а ума у нее на десятерых хватит! Но я же — не сексуальная скорая помощь для обиженных богом! Была бы Рита глупой, как курица, стоило бы заиметь подобный экземплярчик в коллекцию, хотя бы ради хохмы. А тут... хороший человек, как ты говоришь. Короче, не знаю... Зря я затеял сие соблазнение. Даже готов прощение у нее попросить. Только, может, подскажешь, за что? «Извини меня, милая, за то, что развлекал тебя три с лишним часа, поил и кормил, а потом не возжелал слиться с тобою — сто лет не траханной, потому что ты не в моем вкусе и слишком хорошая!» Так, что ли? Дурдом! Раз уж ты такой жалостливый, то спи с ней сам!

Вижу, Шурик начинает распаляться не на шутку. Тем не менее, мужская солидарность торжествует — говорю, что, возможно, поступил бы так же, и уважу разговор в сторону. В сущности, у меня и в мыслях не было читать проповеди! Достаяю из допотопного холодильника с не закрывающейся дверцей бутылку «Фанты» и некоторое время мы обсуждаем

программу заключительного выступления, но ничего толкового в голову не лезет...

— Ты все еще встречаешься с той рок-н-ролльщицей?

Саша знает толк в женском поле и не прочь услышать ответ — «Нет!», чтобы отправиться на очередную охоту. Вот я бы не смог встречаться с женщиной, зная, что несколько дней назад она делила постель с моим другом! А он может. Даже мысль об этом мне неприятна, поэтому спешу его «огорчить»:

— Между прочим, ее Светой зовут!

— Понял! Не дурак! Курс сменил, старую карту сжег, пепел съел! Завидую вам — способным на постоянство — белой завистью! Я же, наверное, либо больной, либо очень здоровый... Не могу так! То же самое, что питаться изо дня в день одной жареной картошкой или даже черной икрой... Мне разносолы подавай! Я, ты знаешь, почти год прожил с женой и, клянусь, не изменял! И брехня то, что болтают, якобы она плоская! Покажу как-нибудь пляжную фотку — там всё на месте! В интимном плане таких, как она, единицы и не безмозглая... А не смог! Выходил на улицу и как только видел более-менее приличную нимфочку, так все мысли в одном направлении работали, хотя понимал, что жена моя во сто крат лучше... Однажды покаялся ей в грешных мыслях. Сделала вид, что поняла, но отношения испортились и вскоре мы расстались...

Мгновение он задумчиво изучает фотообои, потом взды-

хает:

— Порой хочется завести детишек, приходить домой, зная, что на шею бросится любимая супруга, от которой пахнет уютом и свежеприготовленным ужином. Но жить, целоваться, заниматься любовью с одной и той же, пусть она хоть трижды «гений чистой красоты», не способен!

Выговорившийся Шурик замолкает. Я его понимаю — неоднократно размышлял на тему брака и семьи. Тем не менее, мне кажется, что я смог бы не расставаться со Светой сутками. Или это всего лишь иллюзия? Знакомы всего три ночи, а я уже умудрился оставить себя без всех сбережений, влезть в долг, а теперь вот строю планы на будущее!

Тем временем отхлебнувший «Жигулевского» Саня продолжает разглагольствовать:

— Вечная любовь — чепуха! Разве нет? Тогда давай обратимся к классике! Ну-ка, назови на память хотя бы одно произведение, где любовные отношения строились бы по сказочной схеме — «и жили они долго и счастливо»? Слабо? И что мы имеем в наличии? Ромео с Джульеттой умерли, Тристан и Изольда — тоже, Патриция в «Трех товарищах» Ремарка — аналогично... Ах, да! Анжелика любила своего Пейрака! Правда, сначала посмертно, потом — не видясь с ним годами! И в «Юноне и Авось» Она, видите ли, ждала Его всю жизнь! «Вот это — любовь!» — вздыхает не одно поколение. Ой-ай-ой! Вот в такую любовь я еще поверю! А почему же никто не обрек своих персонажей на долгую сов-

местную жизнь «душа в душу»? Да потому, что не бывает так!

Приходит моя очередь возмущаться:

— Саш, ты рассуждаешь, как законченный циник! Хрен с ними, с писателями-выдумщиками! Сюжет — есть сюжет! А как же твои родители? Сам рассказывал о том, что они недавно отметили тридцать лет совместной жизни!

— И что? Всю жизнь прожили по вонючим общагам, чтобы под конец жизни получить убогую двухкомнатную квартиру! Кого волнует, что положена трехкомнатная? Спасибо, хоть такую дали! И живем в ней вчетвером, а теперь еще и бабушка... У меня сестра — взрослая девка, а мы спим в одной комнате! Какая, позвольте, все эти годы у родителей была любовь? Преобладавший инстинкт продолжения рода! А инстинкту наплевать на скотские условия жизни его производных. Опровергни, попробуй!

— Но ведь они дали тебе жизнь, вырастили, выучили... — говорю я, признавая наличие доли истины в рассуждениях собеседника.

— Да! За это я премного благодарен! Однако мы говорим про любовь до гроба, а не про увеличение популяции Homo Sapiens!

Собираюсь с мыслями, чтобы выдать тираду в оправдание семьи как ячейки общества, но заходит Леха, и Сашка тут же атакует его:

— Что скажет наш женатик? Ответь, только честно: ты

безмерно любишь свою жену? У тебя не бывает желания поблудить?

Алешка мнется.

— Вы меня прикалываете?

— Нет, серьезно! — Сашка жестом дает мне понять: «Послушай-ка!»

— Люблю, по-видимому... Конечно, не так, как раньше. А насчет жажды загулять, так, по-моему, мужики все одним миром мазаны. Вот дочку безумно люблю!

— Заметь, это говорит местный эталон порядочности, проживший семьей всего лет пять, да и то в отдельной просторной квартире! — торжествуя, обращается Шурик ко мне. — А Антона ты бы тоже приводил в пример, если бы его охомутала какая-нибудь стерва, ибо таким, как он, хорошие не достаются? Да, не гулял бы наш скромник, но по простой причине — лопух он!

— Прекрасно! — миролюбиво заявляю я. — Мужикам приговор вынесли! А женщины?

— Ах, женщины!? Сейчас я...

Он не успевает договорить, потому что входит Витька с Антоном. Вести этот бесполезный спор в присутствии потерявшего семью Виктора мы не решаемся.

— Вы готовы ударить творчеством по хроническому безделью?

— Готовы, готовы... — ворчу я. — Дайте хоть в душе поплескаться, а то, не успел продрать глаза, как на меня обру-

шили кучу дилемм из области житья-бытья...

— Ладно, мы внизу! Смотри, не ошпарь себе что-нибудь ценное!

Шутники! Могли бы просто сказать, что горячей воды опять нет! Терпеть не могу скоростное намыливание! Успеть бы смыть всю эту пену, а то — того и гляди — выключат и холодную!

«И как это я умудрился не растерять оптимизма! — размышляю я, возвращаясь мысленно к бестолковой беседе. — Все же, стоит признать: фактами он не подкреплён...»

Репетиция прошла успешно — мы пополнили наш музыкальный багаж пятью веселыми песенками, отбракованными ранее. К одной из них мы придумали эффектное представление, оно начнется с минуты на минуту...

Пока Шурик развлекает в перерыве народ, мы, вместо того, чтобы покурить и выпить кофе, мечемся за жалким подобием кулис.

Леха где-то раздобыл растоптанные женские туфли и выпросил под залог в местном театре наряд куртизанки... Чулки и накладные ногти купили в складчину... В таком виде мне предстоит выступать перед публикой!

Пока Антон расчесывает парик и закрепляет шляпку, я

силюсь втиснуться в туфли. У меня ж 44-й размер ноги, а не 42-й! С горем пополам обуваюсь. Несколько штрихов тушью, румянами и губной помадой — образ готов! Пренеприятнейшие ощущения: под платье дует, несмотря на духоту, два трехлитровых ковшика, из которых мне сотворили бюст, врезаются ручками в живот, голова в парике вспотела!

Наконец-то Сашка откланивается. Еще несколько минут сижу за шторкой один. За это время попытка закурить выливается мне в ожог двух пальцев — оказывается, накладные ногти неплохо горят! Жалею, что согласился на это чертов маскарад!

Но пора на выход! Встав со стула, понимаю, что погорячился с обувью, каждый шаг приносит жуткую боль, но отступать поздно. Ковыляю на сцену. Мое появление зрители встречают смешками. По задумке я должен изображать певичку времен Дикого Запада. Стараюсь улыбаться, но мой оскал, скорее всего, наведет на мысль о пытках инквизицией на колу. Досадно, нельзя посмотреть на происходящее в зеркало... Хватит, нужно взять себя в руки!

По возможности бодро, имитируя женскую походку, добираюсь до микрофонной стойки. Шурик, не переставая играть, каким-то образом умудряется ощутимо ущипнуть меня ниже спины. Больно и обидно. Начинаю петь фальцетом, не забывая при этом делать соответствующие имиджу ужимочки. Наверное, кое-что мне удастся скопировать правдоподобно, так как на лицах различаются улыбки. «А теперь,

Сашка, берегись!» — думаю я и полный жаждой мщения за синяк на мягком месте захожу ему за спину, сексуально извиваясь, расстегиваю змейку на его штанах и в образовавшуюся щель ловко вставляю банан, припасенный в рукаве для другого эпизода.

— Что ты творишь, извращенец проклятый? — шепчет Шура, но зрители довольны.

Оставляю его стоять с торчащим бананом, а сам отправляюсь к крайним столикам, где допеваю последний куплет, сидя на коленях у пахнущего дорогим одеколоном мужика. Заметно, что он не прочь дать мне пинка, но сдерживается. Впрочем, от подобной близости меня самого вот-вот стошнит прямо на его даму... Долгожданный финальный аккорд!

Пока делаю что-то типа реверанса, чулок на правой ноге спадает ниже колена... Образу певички достаются впечатляющие аплодисменты. От осознания факта, что минимум еще одну песню я должен пропеть в этом камуфляже, под париком встают дыбом волосы. Решаю совместить приятное для окружающих с полезным для моего здоровья — во время исполнения следующей песенки устраиваю частичный стриптиз. Какое это блаженство — скинуть туфли! К тому ж босиком и ноги задирать можно...

Все! На сегодня переодеваний достаточно! Низко кланяюсь, отчего один из ковшиков с грохотом падает на пол... Потрясающее своим идиотизмом шоу! Клиенты заведения, надо думать, остались довольны, но с меня хватит... Дарю

оставшиеся рукоплескания Шуре, который уже жует трофейный банан...

Вот и еще один вечер отработали... Осталось еще два раза подняться по крутой лестнице, ведущей в клуб.

— Что-то ты хромаешь, милочка! — подтрунивает надо мной Сашка.

Вот язва! Все, как нормальные люди, молчат. Его бы сейчас в детские сандалики обуть, что бы говорил потом? Но лезть за словом в карман я не привык:

— Санечка! Ты, часом, когда банан ел, ни с чем его не перепутал? Вот горюшко-то будет!

— Не свисти! Даже если это и так, моя мужская сущность не пострадала, а о тебе пойдет слух сначала по этому городу, потом дойдет до нашего... И ни одна порядочная леди не разделит с тобой тяготы и лишения полового акта. Мужайся! — вещает он с траурным выражением лица, первым выходя из дверей. — Ой! Ангел ждет тебя! Бедняжечка, она еще не знает о губительной трансформации твоего либидо! Все равно ей расскажут, так пусть это буду я!

— Задушу! — шиплю я шутливо. — Гитарный шнур в электрическую розетку засуну! Рите отдам тебя связанным!

— О, нет! Только не это! Молчу, как рыба...

Света действительно ждет меня на другой стороне улицы.

— Иди же, Искуситель! — напутствует меня Шурик, слегка подталкивая в спину. — И что в тебе девки находят? Дру-

гое дело я — красив, обаятелен... А так одинок в этот вечер!

Больше его не слушаю, бросаю: «Пока!» и перехожу безжизненную в это время суток дорогу. Хочется побежать, но незримые рамки приличия сдерживают этот порыв. Светлана, похоже, лишена подобных предрассудков: заметив меня, она бежит навстречу и вот я уже кружу ее, заключив в объятия.

— Я скучала... Почему ты ушел?

— Сегодня я никуда не уйду...

До слуха долетают театральные хлопки. Оставшийся квартал, так и не успев отойти от дверей клуба, бурно приветствует нашу встречу.

— Bravo! Бис! — сдавленно выкрикивает Леха.

«Паяцы! Ничего святого для вас нет!» — хочется бросить в их сторону, но прекрасно понимаю, что это они по-доброму...

Ни с того, ни с сего, в окно начинает стучать дождь. Мы лежим уставшие и довольные поперек старинной добротной кровати, принадлежавшей еще, видимо, Светиной прабабушке. Зарывшись лицом в разметавшиеся волосы, жадно вдыхая аромат любимой женщины, моя рука не в силах остановиться и продолжает гладить ее нежное хрупкое тело, не минуя ни единой впадинки.

— Я и представить себе не могла, что когда-нибудь буду чувствовать себя такой счастливой! — шепчет она, еще силь-

нее прижимаясь ко мне. — Странно... Вот мы с тобой еще неделю назад даже не подозревали о существовании друг друга, а теперь кажется, что ты — самый близкий мне человек. Я где-то читала, что женщина не должна говорить такие вещи мужчине... А какой смысл скрывать чувства? Я тебя люблю! Но, знаешь, мне страшно... Страшно, что потеряю тебя! Ведь я почти ничего о тебе не знаю. Ты возник из ниоткуда, а значит, точно так же можешь внезапно исчезнуть. Стараюсь не думать об этом. Но я боюсь! Через два дня ты уедешь... Что, если навсегда?

Она вздыхает, потом резко высвобождается из объятий и садится. По ее щекам текут слезы, глаза загораются недобрым огнем.

— Да кто же ты? Дьявол? Почему, зная тебя пару дней, не могу без тебя? Кто ты — теневая фигура какого-нибудь преступного клана? С чего бы это Шайтану вздумалось отдать мои документы? Ты...

Света осекается на полуслове.

— Ты... ты... заплатил мой долг? Зачем тебе это? Прости меня... Я так давно не жила нормальной человеческой жизнью...

Я, с одной стороны, расстроен внезапной истерикой, с другой, нечто подобное пережил сам, только в скрытой форме. Неожиданно для себя, серьезно говорю:

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

В ее взгляде столько тепла и нежности, но ответ доходит

до сознания с трудом:

— Нет...

Видимо, мое лицо не может скрыть разочарование, так как она торопливо продолжает:

— Пойми правильно! Я хотела бы стать твоей женой, но... Ты уверен, что сможешь быть со мной счастливым? Да и что изменит отметка в паспорте? Я хочу любить и быть любимой, но не желаю, чтобы это прекрасное чувство превратилось в привычку или растаяло, словно снежинка на ладони. Неужели ты не видишь, что я и так твоя раба? Так пусть же каждая наша встреча станет праздником!

Мне кажется, что начинается перегрев в извилинах. Непостижимая женская логика на грани мазохизма! Где это там я читал, что влюбленная девушка только и мечтает выйти замуж за любимого? Надо будет сводить эту книгу на экскурсию в мусоропровод.

Ничего не говоря, нахожу самые желанные на свете губы...

Я бегу по каким-то подземельям с множеством комнат. В одной из них на ложе из желтых роз лежит Света, она протягивает ко мне руки, держа флакон с мутной жидкостью, и шепчет: «Здесь яд... Сама я не смогла, но из твоих рук выпью!»...

Открыв глаза, понимаю, что это всего лишь сон, и еще долго лежу, слушая ровное дыхание дорогого мне человека.

Тяжелые дождевые тучи силятся продлить ночь. По стеклу лениво сбегает капельки, они, то сливаются, то вдруг замирают на мгновение, словно выбирая путь, чтобы продолжить свое короткое путешествие с небес на землю. Так и мы — две слившиеся в одну дождевые капли на стекле бытия...

19

Последний концерт сыгран великолепно!

Когда мы прощались, многие даже повставали с мест, чтобы выразить признательность. Несколько сентиментальных дамочек, приближающихся к возрасту, когда «баба ягодка опять», подарили цветы и наговорили много теплых слов; Алик пригласил выступить в стенах клуба «как-нибудь еще» и предлагал остаться выпить за «удачную гастроль», но мы, по традиции, решили собраться узким кругом.

Первый тост Шурик произносит: «За женщин!», живописуя беды, которые постигли бы мужчин, лиши их возможности контактировать с противоположным полом. Он всегда пьет первый бокал за это.

— Не приглашайте Шуру на похороны! Ему без разницы где пить за женщин, в женском общежитии или на погосте! День рождения, Новый год... Тост неизменен! — шучу я.

Сашка реагирует незамедлительно — он смотрит на меня с состраданием и говорит, как бы извиняясь:

— Да я же... Ради тебя — бабника стараюсь...

Нам весело. В одноместную комнату набилось порядочное количество народа. Накурено так, что режет глаза.

Саня «вывел в свет» свою новую подружку — довольно красивую по моим меркам дамочку, которую портит отсутствие мимики на лице. Даже смеется она одним ртом, верхняя часть остается безжизненной. Может, болезнь какая? Зато фигура! Шура, в качестве анонса, описал ее приблизительно следующим образом: «Ты такого „станка“ сроду не встречал!»

Это он, безусловно, загнул, но формы впечатляют! Продавщица. Имея умишко, с такой внешностью можно далеко пойти, но с ним-то, полагаю, проблема...

Антоха неразлучен с гимнасткой, которую «спихнул» ему Санька. Чувствую, вскоре опять придется отговаривать его жениться...

Витька пригласил тренершу. «А идите вы...» — было ответом на наши вопрошающие взгляды. Она, пока не выпила три рюмки, осуждающе косилась на Виолу, а теперь заливается хохотом, при первой же возможности норовя прильнуть к Виктору...

Леха, не пожелавший остаться без спутницы, убил сразу двух зайцев, пригласив Риту: вроде, как и при паре, но и риск измены сведен практически к нулю...

Я, конечно же, со Светой. Она очаровательна! И хотя уступает по длине ног Сашкиной пассии, вздумай мы провести конкурс красоты, победительницей была бы именно она.

Изрядные запасы вино-водочных изделий исчезают с потрясающей быстротой. У меня нет желания напиваться этим вечером, поэтому потребление спиртного приходится имитировать, Света не пьет вообще. Отвечающий за разлив Витек укоризненно косится на нас, но не выдает.

Часа в три ночи наше безмятежное гуляние нарушается явлением дежурного администратора. Мы, якобы, шумим! Тем не менее, она верит, что громкость будет понижена, и даже не отказывается выпить шампанского. Мы вручаем ей еще и бутылочку «на дорожку»... Раз берет, значит, конфликта с гостиничными властями не предвидится.

«Жемчужиной» посиделок становится танец на столе в исполнении Аллы — Сашиней продавщицы. Угловатыми движениями она лишает себя одежды, состоящей не более чем из четырех предметов. Безобразию никто не препятствует, да и есть на что посмотреть! «Каменные лица... Стальные ягодицы...» — сам по себе складывается в моей голове стишок. Бедный Саня! Что за радость совокупляться с глупым и пьяным существом, пусть и красивым? Но его покрасневшее лицо выражает нескрываемый восторг, остальных ситуация лишь забавляет.

Оргии не будет, в этом я уверен.

— Уходим по-английски! — шепчу Свете.

В коридоре нас догоняет Леха.

— Не забудь, к половине второго приедет автобус! — напоминает он мне, потом вздыхает, — Дернул же черт при-

гласить эту Риту, не успеваю теперь ширинку застегивать! Но, клянусь, столько мне не выпить!

20

Медленно спускаюсь по лестнице. Вот и еще один отрезок жизни, о котором придется говорить в прошедшем времени. Теперь нас будет разделять сотня километров — пустяковое расстояние по нынешним меркам, но как это много для двух любящих друг друга людей!

Полуденный зной согнал обитателей города к окрестным водоемам, работающее же меньшинство парится на рабочих местах, проклиная понеделник. Так что улицы практически пустынные. Последние дни лета... Скоро снова грязь и слякоть... Б-р-р-р! Ничего, нам не привыкать к смене времен года! Кроме того, когда человеку хорошо, ему всё равно — зима ли, лето, а если плохо, то никакой весенний гром не развеселит...

Как же жарко! Дождь бы пошел, что ли... Захожу в близлежащий магазинчик купить попить чего-нибудь холодненького и уже от дверей замечаю «каменнолицую» продавщицу, ту самую, которая совсем недавно танцевала нагишом на столе. Так вот где ее нашел Шурик! Старее паренек — радиус поиска сузил до ста метров, не то, что раньше!

Приветливо улыбаюсь, получая в ответ чуть заметный кивок. Как же ей плохо! Под покрасневшими глазами мешки,

цвет лица мало чем отличается от испачканного на животе в недавнем прошлом белого халата.

— Привет, Галя! — говорю я, вспоминая, что зовут-то ее иначе. — Есть холодная водичка?

— Нет, Степан...

— Извини, Алла... Совсем от жары одурел! А что есть?

— Только пиво. Я уже три бутылки выпила! Как бы не сдохнуть до вечера!

— Давай и мне бутылочку! И открывалку!

Слегка дрожащими руками она отсчитывает сдачу. Большая капля пота стекает со лба на нос...

— Вы сегодня уезжаете?

— Ага! Пора бы и честь знать!

— Ну, ладно, успехов в творчестве! Будешь в городе — заходи...

Обещаю навестить как-нибудь эту ожившую скульптуру и вновь выхожу на солнцепек. Хорошо, что до гостиницы рукой подать, тепловой удар получить не успею! Господи, еще вещи нужно упаковать...

В номере немного прохладнее. Едва успеваю залезть под ледяной душ, как раздается стук в дверь. Рита! Только ее не хватало!

— Извини, я на секундочку... Решила адрес свой оставить. Вдруг окажешься в наших краях... Буду рада увидеть...

Заметно, что ей неловко. Честно говоря, как человек она мне симпатична. И зачем обманывает себя, считая, что ей не хватает секса? На самом деле, как и многим, Рите недостает общения... Протягиваю ей свою записную книжку и ручку. Пока она царапает адрес, задаю интересующий меня вопрос.

— Рит, а ты поешь?

— Да! — удивленно отвечает она, поднимая глаза. — Я долго пела в хоре... Солировать, к сожалению, мне не позволяли, наверное, по причине страшной рожи. А что?

— У тебя завораживающий голос!

— Ого! Мой рейтинг растет: к комплименту «умная» добавился еще один — «голосистая»! Вот приедешь в гости — споем дуэтом!

На сей раз фатальные нотки не слышны. Она машет ручкой и скрывается за дверью.

Скорее под душ!

21

— Приезжайте еще, мальчики!

Администраторша довольна сделкой: квитанции нам выписаны только за двое суток из шести, а остальное время пребывания мы оплатили за половину стоимости. Все в выигрыше.

Алик в качестве премии выделил нам автобус. Быстро загружаем в него инструменты и пожитки. Прощальные руко-

пожатия. Пора!

Никто не провожает. Я попросил Свету не приходить. Какой смысл? Покинув вечеринку, мы провели восемь чудесных часов вместе! Что дали бы еще двадцать минут на виду у всех?

Автобус трогается и медленно едет по пыльным улицам. Как же хочется завывать! Ребята мостятся поспать пару часиков. Я тоже не спал, но отчего-то и не хочется...

— Мужики! Я остаюсь еще на день... Завтра приеду! Без меня справитесь?

— Давай-давай, Ромео! — улыбается Леха. — На твоём месте, я бы даже не инсценировал отъезд...

— Притормози! — кричу водителю.

Схватив свою походную сумку, выскакиваю на ходу и бегу по улице, ведущей к заветному дому...

Глава 2

1

Вот и осень... Последние теплые деньки. Еще немного и перестанут радовать глаз стройные ножки, прикрытые кусочками материи. Никакая норковая шуба не смотрится так мило, как тридцатисантиметровая юбка, разумеется при условии, что конечности ее владелицы не вызывают ассоциации с сардельками, спичками или ножками рояля.

Мы сидим с Ольгой в тесном кафе. Я уплетаю тройную порцию мороженого, а Оля ковыряет ложкой взбитые сливки. Мы не виделись с момента нашего отъезда на «гастроли». Вернувшись, я тщательно скрывался, но вчера она все-таки застала меня дома, сказала, что есть серьезный разговор. Теперь, вот, вынужден любоваться остатками загара на ее лице в ожидании обещанного «серьезного разговора». Пока глобальнее, чем прогноз погоды, вопросы не обсуждались. Осторожно «закидываю удочку»:

— Ты что-то собиралась мне сказать...

Она достает свои «Родопи» и демонстративно ждет, когда я догадаюсь поднести зажигалку. «Ну, не томи же!» — так и подмывает закричать меня, начавшего рисовать себе все возможные картины, самая неприятная из которых — известие о беременности. «Ладно, мужайся!» — говорю себе.

Ольга выпускает к потолку клуб ядовитого дыма и как-то виновато молвит:

— Я... я выхожу замуж...

Ух, ты! Нечто подобное, наверное, ощущает приговоренный к расстрелу, которому после команды «Целься!» сообщают, что он невиновен и получил наследство!

— Поздравляю! Кто он — твой счастливый избранник?

— Сын друзей родителей, через год заканчивает институт. Его папа — большой начальник, сына тоже ждет теплое местечко... Обещали квартиру подарить!

— Это ж здорово!

— Понимаешь, не люблю я его! Он, вообще-то, хороший, но... Кроме того, мама не одобряет почему-то наши с тобой встречи и настаивает на скорой свадьбе. Мне ведь уже двадцать три...

Тут меня осеняет. Осокина! Вот откуда мне знакома эта фамилия! Боже праведный, как тесен мир! Оказывается, та противная деканша факультета экономики бывшей alma mater, с которой у меня был нешуточный конфликт, Ольгина мамаша!? Узнав об этом, тут же замечаю внешнее сходство! Надо думать, она яро будет против моей персоны! Сомневаюсь, что ее когда-нибудь кто-то посылал дальше, чем я!

Конфликт с нею во время моего обучения вышел серьезный! Мой вид ей однажды, видите ли, не понравился — волосы, собранные в хвостик, и безобидная надпись на футболке: «Пиво „Гиннес“ — лучшее в мире!». Сделанное за-

мечание я проигнорировал, но когда она вцепилась в мое ухо с целью отконвоировать таким варварским способом в родной деканат, сдержаться уже не смог... Сколько шуму потом подняла! Благо, времена были уже не те — объявили гласность, поэтому отделался легким испугом — нравоучительной беседой у ректора... Разумеется, Оля рассказывала маме мою скромную биографию, не забыв упомянуть имя, фамилию и место учебы...

Не зря же говорят, что все, что происходит, — к лучшему! О таком союзнике я и мечтать не мог! Не имей к происходящему никакого отношения, я бы вполне искренне возмутился по поводу брака не по любви, но сейчас этого делать не стоило:

— О! Предки — это серьезно... Он-то тебя хоть любит?

— Любит? Он любит себя и свою мамочку! Года два назад, правда, пытался потискать меня в темной комнате, но получил по морде! Не это ли любовь? Еще у него изо рта воняет...

Веселенькая ситуация! Вот сидит передо мной девчонка, наивно полагающая, что я хотя бы чуточку влюблен в нее, и чего-то ждет. Чего? Что я предложу ей начихать на маму с папой и отправиться со мной на край света? Нет! Пусть это и «убьет» ее, но второго случая достойно сойти со сцены у меня не будет.

— Знаешь... С родителями придется считаться! Нам было хорошо вместе, но раз уж так получается... У меня похо-

жая ситуация... Тоже женюсь! — безбожно вру я.

Ольга вот-вот заплачет. На ее лице, словно по книге, можно прочесть тысячу вопросов, упреков... Мне жаль ее, но разновидность инстинкта самосохранения, то, что в народе называют эгоизмом, блокирует чувства.

— Что ж... Приглашаю на свадьбу! — Она пытается взять себя в руки, но все же срывается: — У меня будет муж, у тебя жена... Это не помешает нам хотя бы изредка встречаться?

С меня достаточно! Пора ставить точку!

— Помешает! Есть определенные принципы, которым собираюсь следовать в семейной жизни! — говорю я.

Произношу это весьма уверенно, потому что не могу представить, как стану обманывать Свету ради встречи с Ольгой.

— Но ведь пока мы еще свободные люди... — мямлит она.

«Намек понял! Ничего не выйдет!» — думаю я, но вслух говорю:

— Оль, ты меня извини, мне пора бежать! Позвони, когда определись с днем свадьбы...

2

Иду домой, размышляя о разговоре с Ольгой: детский сад какой-то! Что-то в последнее время слишком часто стал попадать в дурацкие ситуации. Кто-то сошел с ума — или мир,

или я... Мир не мог, он большой! Значит... Ну и ладно!

Ольгу я обманул — спешить мне никуда не надо. Побуду один, книжку почитаю, музыку включу... Последний месяц редко доставляю себе подобные удовольствия: при первой же возможности мчусь к Свете... Ребята ворчат, что пропускаю репетиции; на полке скопилось около десятка непереверенных порнофильмов; родные обижаются, что не звоню, не захожу...

Завтра в гости придет она сама. Первый раз. И почему не сегодня! Одиночеством пресыщусь через час или два, а потом меня ждет обычный скучный вечер со скитаниями из угла в угол...

В квартире вроде бы порядок... Откуда возьмется грязь там, где некому следить? Стер пыль — и ладушки! Приготовление еды займусь завтра...

Тишину нарушает телефонный звонок. Междугородний! Кто бы это мог быть? Снимаю трубку и без труда узнаю милый сердцу голос:

— Как хорошо, что я застала тебя дома! Ты можешь приехать немедленно?

Ничего не понимаю! Света явно взволнована.

— Да я, вроде как, жду тебя завтра к обеду... Что-то случилось?

— Случилось! Но об этом не по телефону. Я жду! Приезжай побыстрее, пожалуйста!

Мне кажется, что она плачет.

— Светик, я выезжаю! Но в двух словах...

Договорить не успеваю, нас разъединяют. Некоторое время сижу, слушая короткие гудки, пытаюсь прогнать неприятное чувство надвигающейся беды.

«Что может случиться страшного? — уговариваю себя. — Несмотря на пессимистичные прогнозы врачей, она узнала, что ждет ребенка? Так это ж здорово! Женщины, вообще, ужасные паникерши! Учитывая это, проблема может ограничиться потерей кошелька!»

3

Время еще не позднее, без труда договариваюсь с таксистом-частником подбросить меня до места за умеренную плату. Всю дорогу он рассказывает мне пошлые истории времен его молодости. От ряда подробностей с комментариями тошнит, но приходится терпеть и самому изредка вставлять ничего не значащие фразы, типа: «С кем не бывает!», «Все они такие!», «Это ловко!»... Окажись я на месте хозяина авто, то, не слушая долго, высадил бы его на полпути!

Спасибо, что довез почти до самого дома!

Через час начнет смеркаться, пока же дворовая жизнь кипит — на лавочках сплетничающие бабули, детишки гоняют мяч, в дальней беседке помятая троица распивает портвейн из единственного стакана...

Захожу в подъезд и взбегаю по лестнице. Чувство тревоги не проходит. Звоню условным сигналом, но никто не открывает. Прикладываю ухо к шершавой поверхности двери: тишина. Странно! «Приезжай срочно!», а дома никого! Может быть, не ожидала от меня такой прыти и вышла за покупками? Точно! Какой я баран — о чем ей переживать, зная, что у меня есть свои ключи! Сейчас залезу в шкаф и, когда Света вернется, сделаю сюрприз!

Без труда справившись с замками, переступаю порог квартиры. Почему так темно, зачем было задерживать все шторы? Не успеваю сделать и шага к выключателю, как получаю сильный удар по голове. Ноги подкашиваются, но сознание теряю не полностью, ощущая, как меня подхватывают сильные руки и тащат в комнату, там усаживают на стул и защелкивают за спиной наручники...

— Включи свет! — раздается знакомый голос.

Слышится щелчок, вспыхивает лампочка. В голове шумит, но я уже полностью пришел в себя. Стул, на который меня «заботливо» усадили, стоит в центре комнаты. В кресле напротив восседает Шайтан. Рядом с ним, в дверном проеме стоит обладатель сильных рук — неказистого вида мужичок с водянистыми глазами.

— Ба! Вот так встреча! Старый знакомый!

Шайтан улыбается, обращаясь к своему напарнику:

— Это, Фомич, кретин, который отвалил за эту сучку десять «штук», собственной персоной! С виду нормальный!

Названный Фомичом ухмыляется.

— Когда хотите оглушить человека, — обращаюсь я к нему, желая немного обдумать происходящее, — нужно бить по темечку, а не по лбу!

— Учитель нашелся! — хохочет Шайтан.

— Где Света? — спрашиваю я, ощущая, как противный холодок подбирается к сердцу.

Улыбка с лица Шайтана исчезает.

— Честно говоря, ты мне, парень, нравишься! Придурковатый малость, но где в нынешние времена сыщешь нормального... Не послушал тогда моего совета не связываться с этой потаскухой... Пел бы где-нибудь в этот час свои «роки», забот не зная!

Пропускаю его рассуждения мимо ушей.

— Где Света? — по буквам произношу я.

— Где Света... — передразнивает меня Шайтан. — Накопленные человечеством знания пока не в силах прояснить этот вопрос. Лично я — атеист и не верю во всю эту чушь про жизнь загробную, но если тебе будет от этого легче, считай, что в раю...

Он делает знак Фомичу:

— Поясни товарищу политику партии!

Тот подходит ко мне и резко разворачивает стул в сторону дивана. Только тут замечаю, что на разобранном диване кто-то лежит. Фомич откидывает одеяло, и я встречаюсь глазами с устремленным в Вечность взглядом Светы.

Не-е-е-е-т!

Мне кажется, что я кричу, но крик безысходности застревает в груди.

Это все — сон! Эти безжизненные руки, которые ласкали меня, прелестные груди, которые так любил целовать, пахнущие молоком губы... Все — сон! Сейчас зазвонит будильник, и я проснусь!

— Начнем опознание? — как из тумана доносится до меня голос Фомича.

Все происходит в действительности! Вскрываю со стула и кидаюсь в сторону кресла, в котором сидит живое воплощение дьявола, но тут же получаю невероятной силы удар ногой в солнечное сплетение и лечу к стене...

— Подними нашего впечатлительного друга!

Сподручный Шайтана водружает меня на прежнее место, отвернув спиной к дивану. Сижу, задыхаясь от боли и ненависти, по лицу текут слезы...

— Смотри, раскис! Так ты еще и не мужик, значит!

Внезапно я ощущаю, что боль тает, исчезает ненависть... На смену им приходит холодный расчет безо всяких ощущений, лишь тело предательски дрожит, получив изрядную дозу адреналина.

— За что?

Не мигая, смотрю на Шайтана.

— Чудеса! Ожил! — говорит он, прикуривая сигарету. — Даже не знаю с чего начать, думаю, ты и так слишком мно-

го знаешь. Видишь ли, мы с ее папашей кое-какие дела вели вместе, только он был более честным, не по душе ему были мои методы работы. На досуге стал собирать на меня досье, а к этому у него истинный талант был! В нем такой ментяра погиб! Сейчас не знаю, а года три назад на основании тех бумажек вышку мог бы схлопотать! Я знал о существовании документов и он, не убейся два года назад по случайности, отправился бы в гроб с моей помощью. Скажу честно, не было никакого долга, просто думал, что хранит он все в своей квартире, поэтому и отобрал. Но там ничего не нашли, поэтому, на всякий случай, «привязал» твою шалаву несуществующими бабками. Она же, на свою беду, показала норов, и я осерчал. Потом появился ты со своим выкупом — пришлось махнуть рукой, да и в существование досье уже перестал верить, вольную дал... А сегодня она позвонила и стала угрожать, мол, нашла отцовские бумаги, и теперь мне хана... Что было делать? Знал бы раньше, что они в этой халупе пылятся, унес — и дело с концом...

Он показывает пальцем на коробку от обуви, перетянутую бечевкой.

— Ты бы на моем месте как поступил, если бы тебе угрожали высокопоставленными друзьями в МВД?

«Не стоило мне рассказывать ей про Костика!»

— Ну, чего молчишь? Ручки-то чешутся на перо меня посадить? Не обижайся, тебя в планах не было! Не думал, что она успеет самолично пригласить тебя на поминки... То-то ж

мы удивились, когда она безропотно открыла дверь — думала, наверное, что ты! Короче, повздыхал бы, дружок, да за-был. Была, да сплыла! Сотни людей исчезают бесследно каждый день! Фомич, он, между прочим, старший опер и уважаемый в органах человек, самолично бы расследовал про-пажу. Было бы одним «глухарем» больше!

Какая противная горечь во рту! В наступившем безмолвии слышу свой глухой голос:

— Я убью вас обоих...

— Спешу огорчить тебя, сынок, но произойдет это не раньше, чем в следующей жизни... — подает голос Фомич. — Хочешь, предскажу тебе будущее? Уникальная возможность! Говоря протокольным языком, в завтрашней сводке будет написано приблизительно так: «Гражданин Н., прибывший из города П., и его сожительница — гражданка Б., решили отпраздновать встречу с распитием спиртных напитков. В результате ссоры, находясь в состоянии крайне-го опьянения, гражданин Н. нанес ставшую причиной смер-ти ножевую рану гражданке Б. Сам Н. скончался, захлеб-нувшись собственной блевотиной...» Нравится? Разумеет-ся, будут справки о вскрытии и прочее.

— Что-то не вяжется, — говорю я. — Вдруг стал убийцей, а потом помер!?

— Нет! Что ты! Ты — торчок со стажем! Все знают, что рок-музыканты такие! И в придачу алкаши... Короче, со-блазнил бедную девочку, а впоследствии зарезал! Жуть бе-

рет! Да, забыл предупредить: в квартире случится сильный пожар, так что тщательную экспертизу будет провести довольно сложно... Того гляди, ошибаюсь с прогнозом... А вдруг опознают тебя через месяц, не раньше?

— Я буду убивать тебя долго... — шепчу я, чеканя слова. А что еще могу сказать?

— Ладно... Посмотрим! Прощай! Я, правда, сожалею, что так вышло! Как там говорят в буржуйских фильмах? Ага! До встречи в аду!

Шайтан встает, обращаясь к Фомичу:

— Закрой дверь! Потребуется помощь — Олег во дворе!

— Угу! — кивает головой тот.

Мой мозг работает четко. Просить о пощаде бесполезно. Свободны ноги, но едва ли удастся справиться с натренированным Фомичом. Машинально проверяю надежность наручников и замечаю, что левый браслет имеет довольно свободный ход — очевидно, в момент надевания сдавить запястье плотно помешали часы. Из всех сил прижимаю большой палец к ладони и начинаю медленно высвобождать левую руку, не забываясь о том, что сдираю кожу... Получилось! Теперь без паники!

Возвратившийся в комнату мой палач извлекает из кармана сверток и раскладывает его содержимое на журнальном столике.

— Это ты ее убил? — задаю я вопрос, ответ на который уже не имеет большого значения, так как чьей бы рукой не

была лишена жизни Света, убийца очевиден — Шайтан...

— Нет... У меня рука не поднимается на маленьких девочках. Ты — другое дело! А специалист по дамочкам у нас Олежка! Убивать ее в планах не было: попугали бы, бумаги забрали... Сам министр бы вам не помог! Но, как говорится, форс мажор! Не хотелось бы тебя расстраивать, но с подружкой твоей Олежек обошелся грубо: закрывая ей рот, чтобы не вопила, пока трахают, он свернул ей шею... Пришлось добить, чтоб не мучилась. Шайтан за это знаешь какой разгон ему устроил! Но... Такова жизнь, мой друг! Прибудь ты часом попозже, даже следов своей возлюбленной не нашел бы! Неподалеку строят новую объездную дорогу, присыпали бы ее там, и даже я через неделю не нашел бы то место, где нужно крестик поставить...

Слушая все эти откровения, чувствую, как мышцы готовы лопнуть от напряжения, перед глазами пляшут мутные круги. Едва сдерживаюсь...

— Тебе повезло больше, — продолжает Фомич, набирая в шприц мутноватую жидкость, — даже больно не будет! Кстати, думаю, ты не обидишься, если я не стану его стерилизовать?

— Дай закурить! — выдыхаю я через силу.

— В этом отказать тебе не могу — последняя воля, все-таки! И рюмку бы налил. Не хочешь? Ухмыляясь, он кладет оружие убийства на столик, извлекает из портсигара неопознанного сорта сигарету и вставляет ее мне в рот. В тот миг,

когда он подносит мне двумя руками спичку, зажав в кулак снятый браслет, изо всех сил наношу ему удар в пах. С тихим стоном Фомич сгибается пополам, я же, вскочив со стула, хватаю этот предмет мебели и обрушиваю на заросший курчавыми волосками затылок моего мучителя. Он заваливается набок.

Нахожу ключик и снимаю наручники. Ими приковываю обмякшее тело к батарее. Слышится хриплое дыхание. Жив! Пока не очнулся, он безопасен! Плохо сознавая, что делаю, беру шприц и ввожу дрожащими руками неведомый яд Фомичу в вену. Спустя несколько мгновений тот открывает глаза:

— Ты сделал это? Я тебя...

Узнать свою гипотетическую участь мне не суждено, его речь обрывается на полуслове, глаза закатываются, губы синеют... Подозреваю, что свое дело сделали и пузырьки воздуха, попавшие при инъекции в кровь.

Готовый отскочить в любую секунду — вдруг, он притворяется? — дотрагиваюсь до его шеи. Пульса нет.

В состоянии прострации сижу на полу подле двух трупов. Кажется, что вечность.

«А вдруг Света не умерла?» Эта мысль заставляет меня стряхнуть оцепенение. Приподнимаю одеяло. Сомнений быть не может, тело уже успело остыть. Из-под левой груди торчит рукоятка кухонного ножа, которым мы не раз резали колбасу... Осторожно закрываю ей глаза и шепчу:

— Прости, что не сумел уберечь! Я люблю тебя... И отомщу!

Пока ничего не могу поделаться... Для начала нужно поскорее уносить ноги из этого города.

Почему в душе так холодно и пусто? Любимая девушка убита... Наверное, я должен рыдать и рвать на себе волосы? Чудом еще жив... Должно быть, полагается радоваться? Отправил на тот свет человека... Где же раскаяние или, хотя бы, удовлетворение от акта мести? Почему меня не тошнит? Почему ничто не болит? Преобладающее чувство — желание спастись. Но не просто убежать и забиться в нору, а уцелеть, чтобы вернуться...

В милиции сроду не поверят, что убийство работника уголовного розыска я совершил, спасая свою шкуру... Кроме того, попади в камеру, едва ли протяну больше часа — там уж люди Шайтана достанут наверняка. Остается исчезнуть. Найти меня будет несложно, но я надеюсь на помощь Константина.

На всякий случай начинаю стирать свои отпечатки. Бесполезное занятие — они тут повсюду! При желании, на меня выйдут максимум за неделю. И подвозившего мужика найдут... Другое дело — захочет ли Шайтан отдавать меня в руки милиционерам? Он отыщет меня быстрее...

Где Света хранит документы? Без труда нахожу перевязанную ленточкой конфетную коробку, в ней свидетельства о смерти родителей, фотографии, письма... Не знаю зачем,

забираю не так давно вызволенный мной паспорт, письма, вытаскиваю вставленную меж стекол серванта полароидную карточку, на которой мы вместе, и дешевые бусы... Прощай, Светочка!

Подходя к двери, замечаю в зеркале свое отражение: лицо в крови, глаза безумные... В таком виде далеко не уйти! Кое-как привожу себя в порядок. Может, стоило бы воспользоваться планом Шайтана и устроить пожар? Нет! На это я не пойду...

Осторожно захлопываю дверь. На лестничной площадке никого. Крадучись, спускаюсь вниз. Где-то поблизости должен быть тот самый Олежка. На улице уже темно. Часы стоят. У Фомича наверняка должен был быть пистолет, стоило взять...

Спокойнее! Вот и дверь... Толкаю ее и лицом к лицу сталкиваюсь с парнем лет двадцати пяти в кожаной куртке поверх спортивного костюма. Он пристально смотрит на меня, но я как ни в чем не бывало огибаю его.

— Эй, братан, стой! — обращается он явно ко мне.

Не оборачиваясь, срываюсь с места. Моросит дождь. Город словно вымер. Я бегу сам не зная куда. За спиной слышатся размеренные удары обуви о землю. Убивший Свету преследует теперь меня. Остановиться и принять бой? Пожалуй, не справлюсь... Надо добежать до людного места, но где сыскать такое? Гостиница? Но я изначально побежал в противоположную сторону...

Минут через пять начинаю задыхаться от бега. Докурил-ся! По ровному сопению преследователя понимаю, что в своих силах тот не сомневается, стараясь вымотать меня до предела. При желании мог бы уже настичь, так как сил на рывок у меня не осталось.

Мы бежим по какому-то скверу. Отражающиеся в лужиках фонари как бы указывают мне путь к бегству. Внезапно на пути возникает препятствие — траншея. Примета осени — перекопанные улицы.

Мостика не видно, лишь посередине островком возвышается бетонное сооружение с канализационным люком на уровне асфальта. Сворачивать уже нет сил... Преследователь сопит в пяти шагах сзади... Отталкиваюсь от края траншеи и пролетаю метра два до «островка». С трудом удерживая равновесие, поворачиваюсь лицом к Олежке. Явно ожидая, что я буду бежать дальше, он не успевает остановиться и тоже прыгает, инстинктивно ослабив толчок. В момент его приземления на самый край бью гада в грудь. Он пытается удержаться, балансируя над пропастью с невидимым дном, но ему это не удается.

Слышится глухой удар о землю и стон. Вооружившись обломком кирпича, с горем пополам слезаю вниз. Глаза привлекают к темноте, но все равно ничего кроме очертаний не видно. Чиркаю зажигалкой, пламя которой высвечивает жуткую картину: торчащие из бетонной плиты арматуры пронзили его в трех местах, и теперь ему едва ли в силах помочь

лучшие хирурги...

С отвращением ощупываю его куртку. Водительское удостоверение... Бумажник... Связка ключей... Из внутреннего кармана извлекаю пакет с долларами. Компенсация за убийство? Но, если верить Фомичу, это в планы не входило... Какая разница! Пожалуй, будет правильно, если я заберу эти деньги себе. Остальные вещи возвращаю на место, даже не заглянув в бумажник — я не мародер...

Выбраться из канавы оказывается непросто. Дождь усиливается. Оставив попытку вскарабкаться по грязному скользкому обрыву, отправляюсь на поиски начала «раскопок» и вскоре оказываюсь на поверхности. Выгляжу, наверное, чудовищно...

Пытаюсь сориентироваться; чутье подсказывает двигаться подальше от центра к автомобильной трассе, ведущей домой.

Раздражавший поначалу дождь оказался союзником, разогнав по домам случайных прохожих, но, несмотря на безлюдье улиц, решительно обхожу освещенные места. Постепенно многоэтажки сменяются частным сектором. Если я иду правильно, то неподалеку должна протекать речушка, перебравшись через которую, окажусь неподалеку от шоссе. Холодно. Одежда промокла насквозь...

Когда уже начинаю сомневаться в правильности выбранного направления, до слуха долетает шум проходящего железнодорожного состава. Точно! На трассе был переезд, а

рельсовый путь не мог миновать речку: должен быть и мост. Сворачиваю налево и иду в сторону шума.

Через полчаса упираюсь в железнодорожную насыпь и бреду вдоль нее, спотыкаясь, на свет мерцающего вдали фонаря.

Вскоре оказываюсь на крохотной станции. Судя по всему, это первая пригородная станция. Ни души. Кирпичная постройка времен войны, исполняющая роль зала ожидания, с небольшой комнатушкой, зияющее чернотой окно которой, видимо, в далекие времена служило кассой. Дождь прекратился. Оглядываю себя: натуральный беглый каторжник! Обувь и джинсы в грязи, выцветшая куртка — подарок американцев — имеет плачевный вид. Хорошо, что еще в джем-пере... Одевая его дома, думал, что запарюсь...

Снимаю мокрую куртку, предварительно вытащив из карманов все, кроме пришедших в негодность сигарет, и закидываю ее в пустоту окна станционной постройки. Толка от нее никакого, а перепачканный грязью буду привлекать внимание... Но надо идти дальше.

По шпалам вскоре дохожу до моста. Пригодилось-таки увлечение детства — спортивное ориентирование!

Пересекаю мост бегом: не дай Бог застанет на неприспособленной для пешеходов одноколейке поезд — верная смерть.

Отдышавшись, спускаюсь к воде, на ощупь смываю грязь с обуви и одежды, умываюсь. Закурить бы...

Где-то совсем недалеко должна быть автодорога, поэтому решаю возвратиться к полотну.

Небо на западе освещено огнями города. Кто-то там сейчас ложится спать, кто-то пьет чай, кто-то занимается любовью... Что делаю я здесь — посреди неизвестности? «А еще кто-то лежит в своей постели мертвый...» — эта мысль отрезвляет меня. Не хватало еще истерики!

Иду дальше. По шуму изредка проносящихся машин определяю, что трасса рядом, сбегая под откос и продираясь сквозь посадку. Точно! «Тебе осталось всего лишь отыскать идиота, который остановится среди ночи на безлюдной дороге, чтобы подвезти такого оборванца как ты...» — произносит внутренний голос. Логично, но должен же быть выход? Конечно — заправочная станция!

Пытаюсь вспомнить, до или за переездом расположены бензоколонки. Вроде бы за... На машине мчались минуты три, значит, предстоит протопать километра полтора. Перехожу на противоположную обочину. Будет обидно, если ошибся...

Но все рассчитано верно: огни АЗС появляются даже раньше, чем я ожидал. Подхожу ближе: ни единой машины, так что придется подождать, иначе, появившись в таком виде, того гляди, вызовут милицию...

Словно по заказу, на заправку заезжает целая вереница иномарок с транзитными номерами, и перегонщики шумной компанией устремляются к кассе. Стараясь не привлекать

внимания, пристраиваюсь в хвост.

— Пачку «Марльборо»! — заявляю я, когда доходит очередь до меня, протягивая деньги.

Кассирше нет до меня никакого дела. Даже не взглянув, протягивает пачку и сдачу. А что должно быть странного? Бензин залил, а про курево только вспомнил.

Отхожу в сторону и жадно вдыхаю табачный дым. Автокараван дружно отъезжает. Выждав пять минут, решительно бегу к зарешеченному окошечку. В школьном театре мне говорили, что задатки актерского таланта у меня имеются... Не лучшая ситуация для теста на профпригодность, но...

— Девушка! — кричу я, стуча в окошко. — А что, ребята, которые меня подвозили, уехали?

«Девушка», годящаяся мне в мамы, с любопытством смотрит через стекло. Не давая ей ничего сказать и чертыхаясь, продолжаю:

— Сволочи! Я же им заплатил вперед! Что за день-то дурной! Еще и в грязь шмякнуться умудрился... Вы бы хоть к туалету дорожку гравием посыпали!

Наличие грязи по пути в отхожее место я успел проверить.

— У вас есть где-нибудь вода, чтоб умыться? — уже миролюбивым тоном спрашиваю я.

— Есть... Там возле ящика с песком... Краник... — отвечает сбитая с толку сонная «королева бензоколонки». — Я... я могу позвонить на станцию в десяти минутах езды, попросить, чтобы за Вами вернулись!

«Вот это, тетя, ни к чему!» — думаю я, но делаю обреченный вид:

— Сто лет я им нужен, это, во-первых, а во-вторых, не думаю, что они заправляются так часто... Верно? Мыльца не найдется?

Ничего не говоря, она протягивает грязный обмылок. Что ж, и на том спасибо!

Тщательно мою измазанные руки, не забывая намылить и лицо...

Поблагодарив, возвращаю мыло.

— Ничего страшного, если послоняюсь тут? Авось кто прихватит?

— Послоняйся... — отвечает она, зевая. — Но особо не обольщайся, ездить начнут ближе к утру...

— Да, а который уже час? — интересуюсь я, демонстративно стуча по своему остановившемуся «Ориенту» китайской сборки.

— Четверть второго... Чая налить?

Не перевелись же еще добрые люди! Я редко пью чай, предпочитая кофе, но в настоящий момент готов отдать многое за глоток горячего напитка: продрог так, что с трудом сдерживаюсь, чтобы не затрястись от холода, как осиновый лист.

— Если можно...

— Можно...

Через несколько минут она протягивает пластиковую ча-

щечку, из которой идет пар. Обжигая губы, пью кажущийся самым ароматным в мире кипяток с привкусом мяты. Тем не менее, на полное доверие с ее стороны рассчитывать не приходится, иначе пригласила бы погреться.

Брожу между колонок, стараясь придерживаться менее освещенных мест, ощущая, что заправщица изредка посматривает в мою сторону.

Господи, каких-то двенадцать часов назад я был самым счастливым на свете человеком, ожидавшим в гости любимую девушку, а теперь — выжженный изнутри робот. К тому ж убийца, которого вероятно уже ищут правоохранительные органы, и человек, на которого, вне всяких сомнений, объявлена охота бандитами целого города... Гоню закрадывающиеся мысли о суициде; прикончить двух людей Шайтана, один из которых милиционер, — это и есть самоубийство!

В реальность меня возвращает рев подъезжающего грузовика — КАМАЗа с громадным фургоном. Понимая, что это шанс, подхожу вслед за водителем к окошку. Ожидаю, пока он расплатится, потом дружелюбно задаю вопрос:

— Командир, не подбросишь?

Дальше в разговор вступает заправщица: она поясняет ситуацию, в которой я оказался, и шлет проклятия на головы якобы забывших меня парней. Водитель КАМАЗа осматривает меня с головы до ног, ему явно не внушает доверия мой внешний вид.

— А чего такой грязный?

— Прогуляйтесь до туалета, всё поймете! — отвечаю с улыбкой. — Сила земного притяжения! А прачечной поблизости, как назло, нет...

Кассирша утвердительно качает головой, то ли подтверждая факт моего падения, то ли убеждая его захватить меня с собой, подальше от ее глаз.

— Ладно, залазь! — решается он. — Только тише, сменщика не разбуди!

Пока он колдует над топливным баком, устраиваясь на малоприспособленном для путешествий сидении, отмечая взглядом всю присущую дальнбойщикам атрибутику оформления кабины — переводные картинки и наклейки из дешевой турецкой жвачки с обнаженными женщинами вперемишку с героями Шварцнеггера...

Шофер Василь Дмитриевич — так он представился — оказывается на мое счастье малоразговорчивым и совсем не любопытным, его вполне удовлетворяет придуманная история, что я — беженец и еду к родственникам, живущим в Саратове. Понимая, что возвращаться домой бессмысленно, я, заметив на двери машины надпись: «Автоколонна №1477 г. Саратов», подумал: «А почему бы не посетить этот славный поволжский город, в котором живет моя никому неизвестная знакомая...» Так сама собой родилась версия о саратовской родне. Прошло! При упоминании о родном городе Василь Дмитриевич смотрит на меня подозрительно, но

потом пожимает плечами.

— Выглядишь ты, парень, как шантрапа... Считай, что повезло — другой на моем месте тебя б не взял. Мы как раз следуем в Саратов, будем завтра к вечеру на месте, одним словом, довезем, коли нужно. Думаю, Колька возражать не станет!

— Я... заплачу! — говорю ему, запинаясь.

— Это само собой! — ворчит он, и, видя, что меня бьет озноб, добавляет: — Да сними ты свой промокший свитер! Сейчас печечку включу — вмиг отогреешься! Если имеется желание, то поспи — не обижусь! Я — тот редкий случай, когда человек моей профессии не любит потрепаться...

— Курить можно? — задаю я вопрос, стягивая джемпер.

— Кури, бес с тобой! Сам я год как бросил, а Колька, тот дымит, как паровоз! Так что мне не привыкать!

Василь Дмитриевич замолкает, полностью поглощенный слежением за пустынной дорогой. Докурив, долго сижу, уставившись в одну точку, заново переживая события прошедшего дня, и лишь когда небо начинает сереть, незаметно проваливаюсь в тревожный сон.

Во сне ко мне подбегает симпатичный малыш и тянет за руку: «Папа! Ну, пойдем же! Тебя мама зовет!» Я беру его на руки, и мы идем к незнакомому дому, на крыльце которого стоит Света. Она плачет, говоря: «Я думала, что ты не вернешься! Где же ты был столько лет?»

Просыпаюсь оттого, что кто-то трясет меня за плечо.

— Эй, друг, перекусить не хочешь?

«Навожу резкость», пытаюсь вспомнить, где я. Ах да, еду в Саратов! На меня, приветливо улыбаясь, смотрит парень приблизительно одного со мной возраста, светловолосый, с усами до самого подбородка.

— Что, выдрыхся? Не хотел тебя будить, но Дмитричу хоть из пушек пали — спит, а есть одному скучно... Пошли, угощаю! Да, кстати, меня Николаем зовут!

Он протягивает руку. Знакомимся. Есть не хочется, но отказываться невежливо, поэтому соглашаюсь. Всё тело ломит. Часы в кабине показывают без четверти девять. Спрыгиваю на землю. Оглядываюсь по сторонам: метрах в ста виднеется убогая придорожная закусочная, чуть дальше — пост ГАИ...

Типичное осеннее утро: несмотря на низко висящие облака, день обещает быть солнечным, так как местами просматривается выцветшее за лето небо. Прохладно.

— Чего замер? Пойдем! — окликает меня новый знакомый.

Плетусь за ним. Наверное, частенько они мотаются по этому маршруту, Николай знает владельцев кафе по именам. Те тоже вежливо интересуются делами. Взяв по шашлыку и стаканчику кофе, садимся за пластмассовый столик. Коля не замолкает ни на минуту, но пока я с трудом впихиваю в себя

два куска плохо прожаренного мяса, он успевает съесть всю порцию и рассказать, что везут они из Молдовы яблоки, что летом, когда решили привезти абрикосы, чуть не прогорели из-за того, что те по дороге умудрились сгнить... Из вежливости, поддерживаю разговор, хотя мысленно далеко. Предлагаю расплатиться за завтрак, но он непреклонен:

— Я же сказал, угощаю!

5

Двигаемся дальше. Коля с легкостью ведет груженую машину, беззлобно матеря идущие на обгон иномарки и спящего дядю Васю, который, по его словам, устроил дедовщину, заставляя молодого водителя рулить днем, когда движение на трассе предельно оживленное. Его слегка раздражавшая поначалу болтовня начинает мне даже нравиться — она отвлекает от тяжких дум, кроме того, Николай — прекрасный рассказчик, не хуже Шурика, и вообще, он мне симпатичен.

— А ты, значит, бежишь... — переключает он свое внимание на меня, закончив повествование пикантной истории из жизни первой жены.

— Бегу! — лаконично отвечаю я, и это сушая правда...

— Надо ж, как эти мерзавцы умудрились забыть тебя? Я бы здорово осерчал! Вещей хоть никаких им не оставил?

— Ерунда! Древнюю куртку и пакет с едой! Жалеть не о чем! — вру я, что не особенно приятно, и, стараясь сменить

тему, спрашиваю:

— Ну, и ты женился во второй раз?

— О! Это особенная история! Триллер, я бы даже сказал! Представляешь, женился — дурак! — на той самой, с которой меня застукала Верка. А она мне — бац! — возьми и роди через полгода двойню! Постой, говорю, ведь мы же и семи месяцев не знакомы, а та в ноги, мол, прости, Коленька, была я до встречи с тобой оплодотворена, только не знала об этом! Поразмыслил я малость, да махнул рукой, ведь детишки ни при чем! Теперь, вот, воспитываю пацана и девчонку! Они мне, как родные, да и Лариска — супруга моя нынешняя — в надежной уздечке! Помню, когда еще не развелись с Веркой...

Дальше не слушаю, а только делаю вид. За окном проносятся пожелтевшие посадки, скрывающие поля озимых, ландшафт все больше начинает напоминать степь.

Дорога в Никуда... Не думал, что когда-нибудь буду вот так мчаться навстречу неизвестности, ждущей меня в незнакомом городе. Потеряли значение слова «завтра», «скоро»... Есть только прошлое и настоящее... Есть только я, летящий в Неизвестность...

— Вот и приехали! Тебя где посадить-то?

— Где-нибудь поближе к центру и телефону... — отвечаю

я.

— Тогда придется малость потерпеть, городок у нас хоть и провинциальный, но большой! — говорит, потягиваясь, Колька.

Он предвкушает сытный ужин и исполнение супружеских обязанностей, бормоча себе под нос: «Только бы не „красные“ дни!» Сменивший его за рулем Василь Дмитриевич с тех пор как проснулся, едва ли произнес десяток фраз, а теперь неожиданно разговорился:

— Видишь, там, справа, Волга — мать всех рек! Бывал раньше в этих краях?

Я отрицательно мотаю головой.

— Это тебе не Нил с крокодилами! Мощь! А какая рыба! У брата в деревне своя коптильная есть... Честно скажу, не хотел брать тебя в пассажиры, больно уж вид был бандитский, но я в людях редко ошибаюсь! Вот и сейчас. Вижу, парень ты неплохой... Да забудь ты про деньги! — говорит он, видя, что я достаю свой потрепанный бумажник. — То я пошутил! Правда, Колька? Мы ведь с нормальных людей плату не взимаем?

Тот машет головой. Искренне благодарю их, так как оставшейся у меня суммы навряд ли хватит даже на сигареты, а извлекать пачку долларов глупо. Дмитрич жмет на тормоз.

— Вот тебе «поближе к центру»! Телефон ищи сам.

Он внимательно смотрит на меня.

— Не нравится мне, как ты выглядишь... Уж, не заболел

ли? Бледный какой-то... Родные хоть знаешь, где живут?

— Адрес у меня записан... А то, что бледный, так устал здорово. Третьи сутки в пути! Вынужденные путешествия изрядно утомляют... Спасибо вам огромное!

— Ну, бывай! Мир тесен, кто знает, того гляди еще встретимся!

Жмем на прощание руки, и я выпрыгиваю на асфальт неизвестной мне улицы. Обдав меня копотью, КАМАЗ уезжает. Верно, я и вправду болеваю: голова гудит, перед глазами пляшут точки и кружки... Чуть шатаюсь, перехожу на другую сторону улицы и направляюсь к зданию, напоминающему своей архитектурой театр. Если это очаг культуры, то поблизости наверняка должен быть телефон...

Первый найденный мной аппарат не подает признаков жизни, но в трубке второго сквозь шум различается ровный сигнал телефонной станции. Теперь проблема с жетоном... Груженная сумками женщина, к которой обращаюсь с просьбой поделиться жетончиком, шарахается от меня как от привидения... Наконец, девочка лет тринадцати пугливо протягивает мне жизненно важный кусочек металла, с опаской беря за него деньги. Неужто я действительно так плохо выгляжу? Только бы застать Риту дома...

— Добрый вечер! Рита, ты?

Из-за помех не узнаю ее особенный голос.

— Это Андрей! Музыкант... Помнишь, в гостинице наши

номера были рядом?

Она помнит, и это радует.

— Я в городе и мне нужна помощь... Ты не смертельно занята? Где нахожусь? Сейчас спрошу...

Прогуливающий громадную овчарку паренек дает мне ориентир — здание, которое я принял за театр.

— Возле Художественного музея! Почти рядом? Рит, если не сложно, подойди...

Обессиленный опускаюсь на лавочку. Сигареты горчат, значит поднялась температура. Волной накатывает безразличие... Все расплывается...

— Батюшки! Что с тобой стряслось? — голос Риты доносится как бы издалека. — Пойдем! Я живу тут рядом... Вставай же! Да ты весь горишь...

Не узнаю свой голос:

— Я тебя не стесню? Только никому не говори, что я здесь... Ладно?

Последнее, что помню: насмешливо-презрительные взгляды прохожих, обращенные на девушку, ведущую едва переставляющего ноги парня.

— Пьянь... — зло бросает кто-то вслед.

«Это зовут меня?» — думаю я и только тут понимаю, что это мой голос. Открываю глаза: светильник причудливой формы освещает тусклым светом бедно обставленную, но аккуратную комнату. Я лежу, заботливо укрытый одеялом, на мягкой кровати. Рядом на раскладушке, свернувшись калачиком, спит Рита. С трудом припоминаю, как оказался тут... Некрасиво получилось: свалился, как снег на голову, в состоянии невменяемости, вторгся в жизнь малоизвестного человека...

Пытаюсь встать. В глазах тут же темнеет, и голова безвольно падает на подушку. Что со мной? Во рту пересохло, язык едва ворочается...

— Рита! — зову слабым голосом.

Она испуганно подскакивает с раскладушки.

— Риточка, что происходит?

— Господи! Ты пришел в себя! Как ты себя чувствуешь?

— Честно говоря, погано...

— Теперь все будет хорошо, самое страшное позади!

— Что позади? — интересуюсь я, ничего не понимая.

Рита плачет.

— Как же ты меня перепугал! — говорит она, всхлипывая. — Я тебя еле узнала. Ты сидел на скамейке бледный, как смерть... Сначала мне показалось, что ты задумал пошутить, а потом... Самым сложным было затащить тебя на третий этаж. Ты старался идти, как мог, все время повторяя: «Никому не говори кто я...» А когда посмотрела на градусник,

волосы дыбом встали... Почти сорок один! Я скорее звонить своей знакомой, она — врач. Та прибежала и давай уколы делать, а температура не падает. Ленка кричит: «Звони „ноль-три“!» А я, сама не знаю почему, говорю ей, что не буду... Ох, и заставил же понервничать! Температуру мы сбили, но в сознание не привели. На следующий день...

— Подожди! Следующий день еще не наступил! — пытаюсь возразить я.

— Я говорю, на другой день она привела какого-то доктора, чуть ли не профессора, и тот сравнительно быстро поставил диагноз, из которого поняла только суть: сработала защитная функция мозга на отключение, что, возможно, ты пережил что-то ужасное, плюс к этому — сотрясение мозга. Настоятельно рекомендовал отвезти тебя в больницу, но я воспротивилась. Врач предупредил, что, если максимум через семь-восемь суток ты не оклемаешься, кома может продлиться до года. Сегодня седьмая ночь...

— Какая?

— Седьмая... Я и плакала от беспомощности, и злилась на тебя... На работе отпуск без содержания взяла. Первые три ночи вообще не спала. Ты лежишь такой беспомощный, а я и сделать ничего не могу...

Она прикуривает сигарету и открывает балконную дверь.

— Не возражаешь, я закурю?

— И мне тоже зажди! — прошу я, ощущая приступ никотинового голода.

— Вот теперь не сомневаюсь, что пошел на поправку! Только не уверена, стоит тебе сейчас курить!?

— Сжался! Я же неделю не курил! — говорю я, протягивая влажную от слабости руку.

Рита помогает мне принять полусидячее положение и ставит на край кровати пепельницу.

— Хочешь сока? Томатный! Сама делала!

— Не откажусь...

От дыма кружится голова.

Она выходит из комнаты и через минуту возвращается с полным стаканом похожей на кровь жидкости. Помогает мне пить... С горем пополам осиливаю треть. Потом Рита присаживается на тумбочку у изголовья и начинает говорить уже веселей:

— Вот горе-то было, когда ты уписался! Тяжелый, однако! Благо, догадалась сразу клеенку подстелить! Да не смущайся ты! Это — жизнь! А как непросто было стянуть с тебя джинсы!

Мне неловко. Она же смеется нервным смехом, потом серьезно спрашивает:

— А ты ничего не хочешь рассказать? Откуда у тебя столько денег? Ты кого-то обокрал? По-моему, я имею право знать, хотя и не жена тебе...

— Конечно...

Затушив сигарету, начинаю повествование. Постепенно призраки недалекого прошлого завладевают моим сознани-

ем; не в силах остановиться, говорю, говорю, говорю, шаг за шагом приближаясь к роковым событиям и, наконец, отчетливо переживаю их заново. Рита с изумлением выслушивает мою историю, и лишь когда я, обессиленный и опустошенный, прошу еще сигарету, шепчет:

— Мне очень жаль, что так случилось...

Банальная фраза сочувствия, достойная третьесортного фильма, но, произнесена искренне и приобретает свое истинное значение.

— Спасибо тебе, Рита... — шепчу я.

Она с грустью смотрит куда-то в пространство, потом берет платок и заботливо вытирает мне вспотевший лоб.

— Знаешь, странно ведь получается... Тогда, после вашего последнего выступления, когда мы отмечали это событие в гостинице, я так ей завидовала: молоденькая, красивая, яркая... Не чета мне, ведь я — серость, ведущая бесцветную жизнь... С первого взгляда было видно, что вы любите друг друга! И вот теперь ее нет... И участи ее не позавидуешь... Даже чувствую себя немного виноватой...

Я ласково касаюсь ее руки.

— Ты очень добрая и милая...

Она вопрошающе смотрит мне в глаза.

— У тебя есть какие-нибудь планы? Если хочешь, можешь пожить у меня... — произносит она как-то робко. — Ты, наверное, будешь смеяться, но мне так не хватает... заботы о ком-то. Может быть глупо, но, прислушиваясь бессонными

ночами к твоему дыханию и щупая пульс, я ощущала себя нужной... Живой.

— Это не глупо! С удовольствием поживу у тебя некоторое время, если, конечно, не стесню. Даже обещаю пару раз приготовить ужин к твоему возвращению с работы. А сейчас и тебе, и мне нужно выспаться... Парадокс — спал неделю, а глаза слипаются снова! Завтра уступлю тебе твое законное ложе. Спокойной ночи!

Удивительно, но мгновенно погружаюсь в сон...

8

На другой день чувствую себя весьма сносно. В голове, правда, еще изрядно шумит, но чашка крепкого кофе производит революцию в организме.

Суббота. Рита ушла по магазинам, а я, приняв ванну, слонаясь из угла в угол по ее квартире. Странно, но меня не одолевают тягостные думы. Я ощущаю себя родившимся заново человеком. Не сказать, что мне весело, но предчувствие неизбежного краха отступило на задний план, уступив место отчаянной вере в победу над обстоятельствами. Хотя, какая к черту может быть победа!? Просто, оказавшись пропущенным через мясорубку фатума, превратился в своего рода мутанта или, если угодно, в другого человека, смотрящего на свою прошлую жизнь как бы со стороны. Похожее уже случилось со мной в детстве, когда, заболев неведомой науке

болезнью, провалялся две недели в реанимации. Шансов на выздоровление не было никаких, и я знал об этом, слыша в редкие минуты прояснения сознания разговоры медсестер и врачей, а потом резко пошел на поправку... и стал другим. Покинув больницу, из кошмара учительницы начальных классов превратился в тихого и не по годам серьезно отличника, стал много читать, увлекся рисованием... Все перекрестились, да я и сам с трудом узнавал в себе прежнего острого на язык оболтуса. При всем при том, любовь к абрикосовому варенью утрачена не была...

Нечто похожее испытываю ныне. Из патологического романтика получился дремлющий зверь, опасный и кровожадный, но достаточно умный, чтобы не кинуться в бой, пока не зализаны раны... Рассматривая снимок, на котором обнимаю Свету, положив ей голову на плечо, вижу единственное — лицо мерзавца, поломавшего мне жизнь и отнявшего единственную значимую для меня драгоценность — любимого человека. Мы еще встретимся, Шайтан! Пусть даже мне придется заплатить за это огромную цену... Вторую щеку я не подставляю!

В замочной скважине поворачивается ключ. Как хорошо, что Рита вернулась так быстро! Меня еще рано оставлять наедине с самим собой...

После обеда примеряю новый гардероб. Я здорово похудел, одежда висит на мне как на вешалке, но возвращение

в норму неизбежно, поэтому приобретенные шмотки находят временное пристанище в платяном шкафу. Для себя, несмотря на мое напутствие купить все необходимое, Рита потратилась только на домашний халатик, объяснив, что неудобно передо мной ходить в старом.

Мне так хочется сделать ей что-нибудь приятное...

Пересчитываем оставшиеся деньги — оказывается три с половиной тысячи долларов.

— Не думала, что доведется когда-либо держать в руках такую сумму! Мне столько и за пять лет не заработать! — говорит она, рассматривая портрет Вашингтона.

— Грязные деньги... Говорят, они не пахнут, а мне кажется, я слышу запах крови! Впрочем, сейчас они в хороших руках, и наша задача — избавляться от них по мере необходимости, превращая в рубли, а затем в товар! Возражения будут?

Рита улыбается:

— При одном условии, что когда-нибудь ты пригласишь меня, ну, например, на концерт заезжей звезды эстрады...

Замечая в моих глазах боль, она осекается:

— Прости... Знаю, тебе больно.

— Все нормально, не обращай внимания! — говорю я, силась улыбнуться. — Просто мне понадобится какое-то время для возвращения на круги своя... У тебя есть спиртное? Ведь мы с тобой, если не изменяет память, так и не успели выпить за знакомство!

Пока она ищет рюмки, смотрю за окно в обшарпанный дворик: сломанные качели, чебурашка с отбитыми ушами... В сапожках «на вырост» карапуз пытается познакомиться с лохматой собачкой, доверчиво тянет к ней руку, но та, отбегая в сторону, неистово лает на него. У дурного хозяина не бывает умной собаки... А может быть, какой-нибудь малолетний «Шайтан» умудрился огреть псину железным совком по голове и теперь та в каждом малыше видит врага?

— Шоколадку будешь? — доносится из кухни голос.

— Да! — отвечаю громко, а сам думаю: «Буду... И жить я тоже буду! Теперь у меня есть цель...»

Глава 3

1

В квартире витает запах закончившегося праздника. Гости, точнее гости, полчаса как разошлись. Вымотавшуюся за день хозяйку дома и именинницу я заботливо отнес и положил в кровать. Сам тоже еле держусь на ногах — не столько от коньяка, сколько от усталости.

Третий месяц живу у Риты. За это время мы крепко сдружились. Ко мне вернулось жизнелюбие, но воспоминания о том жутком вечере не исчезли, а всего лишь затаились с тупой болью чуть ниже сердца, словно часовая бомба, готовая взорваться в свой срок.

Я согласился остаться до начала декабря — Ритиною дня рождения, но потом, подумав, установил крайнюю дату — Новый год. Первого января отправлюсь в путь, во что бы то ни стало!

Именины уже позади...

Рита как-то по-детски улыбается во сне, должно быть она осталась довольна своим тридцатилетием...

Я не возражал против того, чтобы она пригласила на торжество подруг — таких же не сумевших выйти замуж дам «под тридцать». Пришло шестеро обделенных внешностью саратовских аборигенок. «Все страшны, как на подбор. С ни-

ми дядька Черномор...» — непроизвольно пришло на ум, когда мы уселись за стол. Одна, правда, на общем фоне смотрелась ничего... Ее присутствие натолкнуло меня на грешные мысли, ведь я не был с женщиной четверть года, а плоть требовала уделить внимание и ей; но сравнительно быстро мысли о плотских утехах были изгнаны, ведь за несколько дней до этого Рита попросила:

— Можно я скажу всем, что ты — мой жених? Глупо, конечно, но пусть хоть чуточку позавидуют!

— А когда уеду, как объяснишь? — любопытствовал я.

— Лучше уж иметь статус брошенной, чем ни разу не замеченной! Если вдуматься, то это — ерунда, но провинциальные устои диктуют определенные правила.

После этого нанести подобный удар своей спасительнице не мог. Быть может, она бы поняла и простила, но не свинья же я...

Пока не выпили по три рюмки, подружки стеснялись и изучающе-оценивающе поглядывали в мою сторону. Еще бы! Я до такой степени утрировал свою внешность, что с непривычки можно было засомневаться во здравии рассудка ее обладателя. До сих пор не могу привыкнуть к усикам и бородке «а-ля Ришелье». Кроме того, избавился от неизменного ранее хвостика — состриг волосы до уровня подбородка. Ни дать, ни взять — оживший мушкетер!

Я хорошо справился с ролью главы будущего семейства: исправно наполнял бокалы, помогал подавать блюда, пел под

гитару и рассказывал забавные истории, покоров сердца слушательниц драмой от первого лица из Сашкиного репертуара о том, как, торопясь домой, чтобы справить нужду по большому, застрял в лифте. Удивительная вещь — расскажи я эту байку пока все были трезвы, получил бы негласный титул Идиота!

Потом, не обращая внимания на стук соседей по батареям отопления, мы шумно танцевали...

— Такого эти стены не помнят! — шепнула, улучив момент, Рита.

Окончательно я «добил» подружек своей ненастоящей невесты тем, что проводил их всех до стоянки такси и, расставив по машинам, оплатил проезд...

Именинница осталась довольна.

— Спасибо! — прошептала она, засыпая.

Справляясь через силу с расстроенной алкоголем координацией движений, мужественно переносу к мойке грязную посуду и задвигаю в угол складной столик. Распахнув настежь окно, проветриваю помещение и тут же курю, изучая плоды своего пребывания в этих стенах: совместными усилиями наклеены красивые обои; на тумбе приютилась новая видеодвойка; мое неприятие мира без музыки отразилось на покупке магнитофона и добротной гитары; в прихожей стоит еще не распакованный кухонный комбайн — подарок ко дню рождения... Вот уеду, а мой призрак еще долго

будет витать среди этих вещей!

Закрываю окно и перебираюсь в спальную комнату, где мирно посапывает Маргарита. Поправляю ей одеяло и плюхаюсь на скрипучую раскладушку. Как осточертело это порождение соцреализма — пародия на шезлонг! Долго ворочаюсь, а потом встаю и ложусь рядом с Ритой. Надеюсь, она поймет эту акцию правильно. Приютившись на краешке и приобняв ее, мгновенно засыпаю...

2

Будний день. Бесцельно слоняюсь по улицам, пугая своей прической и козлиной бородкой добропорядочных граждан. Детишкам же нравится странный дядечка, словно сошедший с экрана телевизора, только современно одетый. Строю рожицы подрастающему поколению, игнорируя старших.

Рита на работе. Наше совместное проживание благоприятно сказалось на ее карьере — повысили до начальника отдела. Впрочем, учитывая ее умственные способности, скорее всего я тут ни при чем.

Несколько дней назад познакомился с Ритиной мамой, оказавшейся на удивление симпатичной женщиной и, что следовало ожидать, интеллигентной. Отца своего Рита не помнит, лет до двенадцати считала, что он погиб, пока кто-то из злыдней-соседей не проболтался, что тот укатил с буфетчицей из заводской столовой, оставив ее мать с грудным

младенцем.

Мы пили чай с клубничным джемом, беседуя на отвлеченные темы. Ни слова не было сказано о наших отношениях с ее дочерью. При том, что я ей явно не понравился, она не допустила даже подобия резких высказываний в мой адрес за столом. Лишь потом, когда они на пару мыли посуду, смог уловить обрывки произносимых шепотом фраз: «Как, нигде не работает? А откуда такие деньги?», «Не ожидала от тебя гостиничных знакомств!», «А что это за внешний вид? Просто клоун какой-то!». И дался же всем мой образ! А еще говорят, кардинал Ришелье пользовался успехом у женщин!? Что ж... Мне никогда не удавалось понравиться матерям своих знакомых... Узнай эта пожилая женщина всю правду, не миновать бы ей инфаркта!

Времени у меня полно, поэтому, не раздумывая, запрыгиваю на остановке в автобус. Номер его маршрута мне ни о чем не говорит, я просто еду, глядя по сторонам...

Выхожу на конечной и, спустившись с пригорка, оказываюсь на берегу Великой реки. Иду вниз по течению, а может вверх — разобрать невозможно, так как могучие воды успели сковать лед. Зима в этом году выдалась — по моим соображениям — морозная, но малоснежная. Я слышал, что в этих краях нередко бывает мороз за сорок и снега наваливает порой до второго этажа, но с конца ноября столбик термометра не опускался ниже пятнадцати делений...

Ловлю себя на мысли, что ушел слишком далеко, пора за-

канчивать прогулку и двигать назад, но вдруг замечаю поразительный пейзаж: пустынный заснеженный берег, на котором растет одиноко березка. Благодаря какому чуду она выросла здесь, вдалеке от своих сестер? Как сумела выстоять под натиском бушующих круглый год ветров? Меня влечет к ней, словно к родственной душе. Спотыкаясь, я бегу к ней и останавливаюсь, обхватив упругий ствол. Глядя стынувшими руками дерево, кажется, ощущаю его тепло...

Долго сижу на снегу, прижавшись к символизирующему Россию деревцу. «До последней березки...» Где-то я читал, что есть такая традиция: сажать березу на месте погребения или хоронить возле этого дерева. Не потому ль березовые рощи часто наводят на людей грусть, а в душах пилигримов тождественны образу Родины?

Холод пробирает до костей, но не обращаю на него внимания.

Тебе, наверное, сейчас темно, Светочка? Смогу ли я когда-нибудь прийти на твою могилу? Так пусть она будет здесь! Я буду знать, что ты не одинока, ведь эта березка будет рассказывать тебе на ночь сказки и были... Тут так красиво! Весной тебя разбудит треск ломающегося льда — не бойся, это природа, просыпаясь, будет рвать зимние оковы! Зазеленеет на другом берегу лесок, запоют песни птицы, а мимо поплывут неповоротливые баржи...

Знаешь, Света, в этих краях потрясающие закаты! Таких больше не увидишь нигде. Я похороню рядом часть себя, и

мы будем вместе восхищаться пламенем вечерних небес... Но часть тебя унесу в своем сердце далеко-далеко от этих мест...

Выкопав в снегу ямку до самой земли, бережно складываю туда захваченные с собой в тот страшный вечер вещи: ее паспорт — документ гражданина переставшего существовать государства, со второй страницы которого на меня смотрит улыбающаяся девочка с двумя хвостиками; письма родителям из пионерского лагеря; недописанное письмо мне, которое знаю уже наизусть; обертку от шоколадной конфеты, оказавшуюся среди всех бумаг то ли случайно, то ли служившую ей напоминанием о чем-то хорошем; и пластмассовые бусы... Фотографию оставляю себе.

Ветер так и норовит сбить пламя зажигалки, пальцы плохо слушаются, но я все же умудряюсь поджечь верхний листок. Огонь принимается с энтузиазмом за работу и через несколько минут от всего остается лишь горка пепла да оплавленные бусы...

Закончив ритуал, засыпаю ямку снегом. Сделав холмик, вывожу на нем: «Света».

— Спи спокойно! — говорю на прощание и, не оборачиваясь, медленно иду назад к цивилизации, где меня ждут ночные кошмары, утренний кофе, веселье, грусть... и смертельный враг.

Через день мне предстоит уехать... Мы сидим за праздничным столом, украшенным свечами и искусственной елочкой. Последние минуты года уходящего... Спустя час, после того как мы встретим его по местному времени, Новый год доберется и до Москвы.

Мы не стали звать никого в гости и отказались от приглашений сами. Последнюю неделю я замечал, как гаснет огонек радости в глазах Риты, но ничего с этим поделать не мог. Не обрадовало ее даже исполнение обещания сходить вместе на концерт. Ребята из Питера выступали отменно, но все полтора часа Рита просидела грустной... Я и сам успел привязаться к этой некрасивой девчонке, доверяя ей все свои тайны и печали, делясь радостями...

Вот и полночь. Откупориваю бутылку шампанского. Пена льется через край, и мы еле успеваем чокнуться пока секундная стрелка часов пробегает последние миллиметры до цифры «12».

— Пусть все будет хорошо! — говорю я, ибо ничего другого не приходит в голову.

Рита смахивает предательскую слезинку, скатившуюся по щеке.

— Не надо плакать! — прошу я.

— Я... больше не буду... — говорит она, беря себя в руки. — Есть на свете вещи, которые нам неподвластны, к ним относятся и многие обстоятельства. Я уже большая девочка и

все понимаю. Ты ворвался в мою жизнь, разукрасив ее цветными фонариками, и скоро исчезнешь... Значит, так надо. Да, я привыкла к тебе. Ноги сами несут домой, когда знаешь, что там кто-то тебя ждет. На какое-то время ты заменил мне всех никогда не существовавших в моей жизни мужчин: отца и брата, мужа и сына... Я не прошу остаться. И не думай, что влюбилась в тебя! Любовь для меня — непозволительная роскошь...

Она допивает содержимое бокала и продолжает:

— У меня есть к тебе немного необычная просьба... Хочу от тебя ребенка! Не знаю, что ты подумал обо мне там в гостинице. Не иначе как «озабоченная»! Тогда я действительно вела себя странно и глупо, а ведь, прожив, по сути, пол жизни, имела всего две связи... Первый был заезжим геологом — видимо, лень помешала ему найти кого-нибудь попрличней. Второй работал в конструкторском бюро: женат, двое детей... Приходил ко мне раз в две недели, редко целовал в губы, но никогда не забывал надеть презерватив... Зачем я это рассказываю? Уже две недели мы спим с тобой в одной кровати, но ты даже во сне ни разу не попытался воспользоваться моей доступностью. Если я, как женщина, вызываю у тебя отвращение, скажи, не обижусь... Все равно рожу ребеночка, но хочу, чтобы зачат он был от тебя! Разве это зазорно — желание материнства?

В голове проносится вереница мыслей, но говорю, глядя ей в глаза:

— Ты ошибаешься. Всё это время я хотел тебя!

По большей мере это ложь, но отчасти — правда.

Целуя ее, испытываю невероятно теплые чувства. И ласкаю ее тело медленно, не замечая погрешностей Творца, лепившего эту плоть...

Со двора доносится радостный смех и хлопучечная пальба. Прижавшись ко мне, Рита улыбается во сне. Поправляю ей волосы и тихонько, стараясь не разбудить, выскальзываю из-под одеяла.

Устроившись на кухне, пью растворимый кофе с тортом и сочиняю музыку. Почти полгода Муза обходила меня стороной. Похоже, она не любит ни очень счастливых, ни очень несчастных. Теперь же, касаясь гитарных струн, спешу записать проносящиеся в моей голове темы на полях попавшейся под руку газеты. Никогда не поверю, что Моцарт создал «Реквием», зная наверняка, что умрет. Музыку можно писать, только уверовав в жизнь! Хотя, не мне судить...

4

— Я постараюсь черкнуть пару слов! — обещаю я, высунав голову из тамбура плацкартного вагона. — Береги себя!

Проводница машет флажком, и состав приходит в движение. В последний момент Рита протягивает мне сложенный вчетверо лист бумаги, но ветер вырывает его из моей руки и

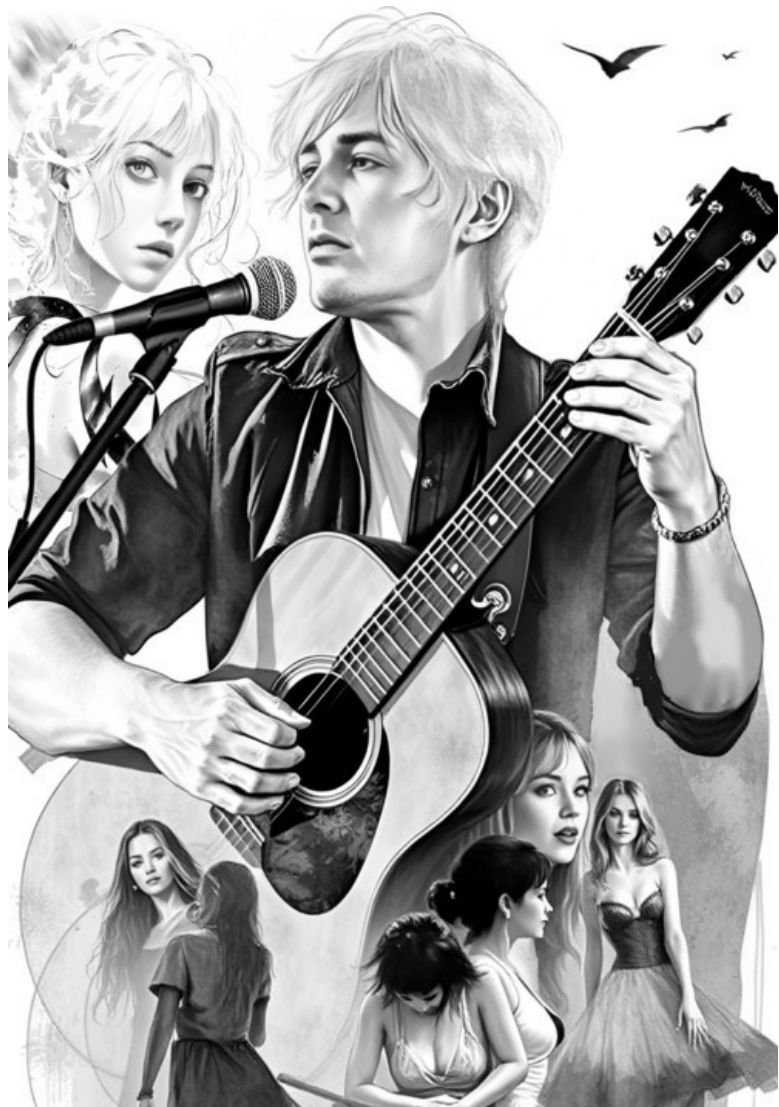
уносит под колеса поезда.

— Что там написано? — кричу я.

— Знай, что у тебя есть дом!

Гудок тепловоза глушит ее слова...

Занимаю одно из пустующих мест. Не так уж много желающих трястись до столицы сутки напролет, в то время как вся страна пьет и опохмеляется. Бросив сумку с едой в багажный отсек, отправляюсь курить в тамбур.

Глава 4

1

Москва встречает легким морозцем и снегом. Улицы, как обычно, запружены спешащим куда-то народом. Сливаюсь с разношерстной толпой и брожу по Арбату. На мою физиономию никто не обращает внимания, так как сплошь и рядом встречаются более колоритные фигуры. Арбат — нейтральная территория, здесь относительно мирно соседствуют рокеры с засаленными волосами, попугаеобразные рэпперы и рахитичные кришнаиты.

Первый рабочий день наступившего года, но царящее в магазинах оживление создает иллюзию нескончаемого национального праздника...

Час пик, но, изрядно потолкавшись на станциях метро, сравнительно быстро добираюсь до дома Константина. Любопытно: положено ли ему служебное авто или вот так же мучается изо дня в день? Сорок минут туда и столько же обратно... Хотя, по местным меркам, разве это расстояние?

Зимой темнеет быстро, поэтому, выйдя из подземки на окраине мегаполиса, неожиданно окунаюсь в мир иллюминации. Кругом фонарики, гирлянды. Возле здания торгового центра переливается огнями елочка... Но первый раз в жизни новогодний праздник не трогает меня, а даже немно-

го раздражает своей мишурой.

Дохожу до высотки, где живет человек, на чью помощь так надеюсь. На входной двери кодовый замок. У гоняющих шайбу мальчишек без проблем узнаю трехзначный код. Холодно, поэтому захожу в подъезд и поднимаюсь на пятый этаж. Удостоверившись, что дома никого нет, сажусь на ступеньки. Лишь бы Константин не свернул куда-нибудь продолжить празднество! Наверное, стоило послать телеграмму, но я так законспирировался, что и не подумал об этом!

От нечего делать пытаюсь читать купленную по дороге газету, но, дойдя до третьей страницы, сворачиваю ее и убираю в сумку. Чтение прессы последние несколько лет напоминает мне копание в мусорном баке, только не руками, а головой...

Кабина лифта останавливается этажом ниже. Опять мимо... Выходят не все, так как она снова приходит в движение и тут же замирает на уровне пятого этажа. Неужели!? Или соседи?

Сидя в пол-оборота, смотрю, кто появится из-за угла... Костик, но не один. Он весело болтает с блондинкой с распущенными волосами. «Как в такую холодину они умудряются ходить по улицам без головных уборов?» — думаю я, ничем не выдавая своего присутствия. В какой-то миг мы встречаемся с ним взглядами... Константин, став как вкопанный, смотрит на меня, словно на привидение, потом обращается к спутнице:

— Леночка! Тебе придется поехать домой одной, появи-

лись непредвиденные обстоятельства... На днях перезвоню!

Та недовольно морщит губки, но безропотно позволяет подтолкнуть себя в сторону лифта, а Константин медленно направляется ко мне. Я смущенно улыбаюсь.

— Привет. Извини, что без предупреждения...

— Андрюха, ты? — видно, что он изумлен. — Тебе повезло, что я — неверующий и у меня здоровое сердце...

— А в чем, собственно говоря, дело, товарищ? — говорю я, передразнивая Ленина. — Меня что, уже разыскивает Коминтерн, в смысле... ИНТЕРПОЛ?

— Да нет... Тебя похоронили в конце сентября...

2

Мы сидим в самом располагающем к беседам месте квартиры — на кухне. За несколько часов скитаний по городу я успел изрядно проголодаться. Ужин приходится очень кстати.

Костя внимательно выслушивает мою историю. Порой мне кажется, что он до сих пор не верит, что приехавший к нему друг — не призрак. Когда же дохожу до пересказа обстоятельств убийства и последовавшего за ним моего бегства, выражение его лица проясняется:

— Теперь всё стало на свои места! Ведь я лично держал это дело под контролем! Всю местную ментовку на уши поставил! Сволочь ты, все-таки! Не мог черкнуть хотя бы два

слова... Впрочем, не знаю, как бы поступил сам на твоём месте... И где тебя носило все это время?

— В Саратове... Я считал себя живым, между прочим!

— Дай, жажну водочки и поведаю тебе версию не умиравшего!

Морщась, он пьёт и, закусив оливкой, продолжает:

— Как гром среди ясного неба звонит мне Игорь: приезжай, говорит, хороним, мол, Андриюшку... Я на самолет. Еле на кладбище успел! Народа, чтоб ты не зазнавался, было не так уж много: родители, сестра с мужем, музыканты твои с каким-то дедулей, три или четыре незнакомых мне девчонки, да мы с Игорьком... Все плакали, даже я, чего греха таить! Гроб был закрытый... Короче, после поминок, стал узнавать, что же стряслось. А получилось вот как: ты уехал, никого не предупредив, и исчез. Где-то через неделю мать начала бить тревогу. Обзвонила твоих друзей и подружек — никто ничего не знает. Кто-то вспомнил про твою таинственную знакомую в другом городе. Послали запрос туда, через пару дней звонят: приезжайте на опознание, один парень попал под поезд...

— Неужто так был похож? — прерываю его я.

— Трудно сказать... Останки собирали на дистанции метров триста. Опознали по куртке. Окончательно сомнения развеяла монетка, ведь даже я знал, что ты всегда носил с собой в кармане американский цент.

— Что — правда, то — правда! О нем я совсем забыл!

Ну, а экспертизу не проводили?

— В какой стране ты живешь? — Константин смотрит на меня с ухмылкой. — Какая к чертовой матери экспертиза! Я видел оперативную съемку: нельзя было с уверенностью сказать, мужчина это или женщина! Куртку опознали, группа крови совпала — можно отпевать. Дело и то возбудили после того, как вмешался я! Мне эта история сразу не понравилась, но сдвинуть следствие с мертвой точки так и не удалось. Пошел по адресу той девки...

— Я любил ее!

— Извини, Андрюш... Специфика работы притупляет чувства. Не знал ее, но уверен, что она была прекрасным человеком! Я так рад тебя видеть, что мне пока сложно переварить твою трагедию...

— И... Что было дальше?

В том, что Костик — не черствый человек, я уверен на двести процентов.

— Пришел, значит, дверь открыли новые хозяева, сказали, что только купили эту квартиру через фирму по торговле недвижимостью. Хозяйку не видели, но она, якобы, собрала вещи и уехала жить поближе к родственникам.

— А это возможно — продать жилье, если владелец отсутствует?

— Еще как возможно! Я просматривал бумаги: заверенная у нотариуса доверенность, договор, расписка в получении денег за вычетом комиссионных и налога... Не под-

копаешься! Одна работница и забиравшую деньги девушку вспомнила, очень похожую по описанию... Разослали запросы — глухо! Дело прекратили ввиду отсутствия состава преступления. Такие вот дела!

— Спрятать труп девушки, которую никто не хватится, легко, а как поступили с Фомичом? Он же милиционер! — размышляю вслух, пытаюсь проследить логику Шайтана.

— Этот давно уже был в «черном» списке руководства. Ходили слухи, что он балуется запрещенными веществами, поэтому никто не удивился, когда его нашли мертвым в сорвавшейся с моста личной машине с лошадиной дозой чего-то там в крови. Мало того, всячески старались замять это происшествие, дабы не портить и без того слабое реноме органов. А найденное на месте ремонта теплотрассы тело известного в городе рэкетира с нетронутым бумажником и золотой цепью в палец толщиной, согласись, мало вязалось с твоим исчезновением! Несчастный случай, как было сказано в сводке... Со временем я поверил, что и ты угодил под товарняк по неосторожности. Лишь на один вопрос не мог получить более или менее внятного ответа: какого, простите, хрена ты делал на забытой Богом станции до того, как оказался под колесами локомотива? А оказалось, господин Покойничек, что вместо тебя мы оплакивали неведомого бомжа-неудачника, подобравшего твою куртку! Блин, как я рад тебя видеть! Нет, за это надо выпить!

Замечаю в Константине некоторые перемены: его речь

сильно упростилась, жесты стали нервными... А что это за постоянные призывы выпить?

Говорю ему об этом. Он вздыхает:

— Да знаю я... Осточертело все! Организовал уникальную службу. Можно сказать, держу руку на пульсе преступной жизни! В наше управление стекается информация со всей страны, я знаю о криминалитете столько, что иногда поражаюсь, что еще жив! Но, поверь, это сто лет никому не нужно! Зачем анализ тем, кто не умеет читать? Всем на всё наплевать! Система приказала долго жить! Осталась форма безо всякого содержания... Думаешь, легко выносить это? Хорошо, что во мне уживается одновременно и пофигист, и оптимист. Не может же этот бардак продолжаться вечно!? Перетерплю! Авось, вскоре найдутся люди, которым не будут безразличны мои наработки и, вообще, судьба страны! Всегда буду к их услугам! И еще в последнее время я стал ненавидеть простой народ... Спросишь, за что? А за то, что он, как стадо! Его ведут на бойню, а он даже не мычит! Грабь, убивай, унижай... Всё стерпит! Общество поделилось на бандитов и их безмолвных жертв с прослойкой из прости-туированной интеллигенции! Хотя, чем мы лучше? Иногда так хочется, как там, в Африке, загрузить под завязку рюкзак взрывчаткой и отправиться на выданное самим себе задание, чтобы стереть с лица земли хотя бы десяток ублюдков... Вот и спасаюсь бабами да водкой. Пока преимущественно первым! Да не принимай ты близко к сердцу! Дал слабину с

недавних пор, благодаря отчасти и тебе! Расскажи-ка лучше про свои планы!

— Планы? — переспрашиваю я. — Только один — пови-
дать Шайтана! Задача облегчается тем, что он вряд ли ждет
меня в гости...

— А стоит ли? — Константин задумчив. — Это серьезные
люди! Тебе не простят подобного вторжения... Сейчас ты
вычеркнут из списка живых, можешь спокойно отправляться
в Саратов, Хабаровск, Пермь... да, куда душа пожелает! С
документами помогу. А лучше — оставайся здесь! Подыщем
тебе работенку не пыльную... Поживешь пока у меня... Как
тебе такой расклад?

— Спасибо, конечно, но ты же знаешь, я упрямый! А за
помощью еще обращусь, больше не к кому!

— Я предвидел такой оборот... Что могу сказать? Буду
уважать любое из принятых тобой решений, даже если ты,
вдруг, передумаешь! В чем потребуется мое содействие?

— Для начала, неплохо было бы узнать побольше о Шай-
тане и его сотоварищах. Подобной информацией владеешь?

— Нет проблем! Пойдем в комнату!

Пока он щелкает по клавишам компьютера, изучаю при-
ютившиеся на полках компакт-диски.

— Стареешь, Константин Егорович! Раньше ты презирал
сборники баллад, а теперь от них в глазах рябит... — едко
замечаю я.

— А ты прикажешь ублажать дамочек под тяжелый рок?

Они и так вертят носом, разглядывая мою скромную коллекцию! Поганные радиостанции скоро поотбивают всем вкус, а заодно лишат слуха... Я с ностальгией вспоминаю времена, когда отец привозил «из-за бугра» яркие пластинки и все окрестные меломаны только и мечтали напроситься ко мне в гости, чтобы хотя бы увидеть их, не говоря уже про послушать! Теперь этого добра пруд пруди, бери — не хочу! Но все дружно внимают долбежке по радио! Также как почти никто не читает книги, ограничиваясь третьесортными видеофильмами и бульварной прессой. Век высоких технологий, что поделаешь! Я-то в свое время начитался столько, что еще надолго хватит! А есть у меня одна сотрудница, только университет закончила, так она уверена, что Мартин Лютер Кинг³ — это певец! Считается, между прочим, эрудированной! А что говорить тогда про балбесов, исповедующих рэйв-культуру?

— Да они еще зеленые и дурные! Вспомни, как сам млел при звуках «Лестницы на Небеса»⁴! — пытаюсь я защитить молодежь.

— Между прочим, это не помешало мне осилить Достоевского! Покажи мне молодого человека, читающего, скажем, Есенина и слушающего при этом рэп! Подобное — нонсенс!

³ Кинг, Мартин Лютер (1929 — 1968) — один из руководителей борьбы за гражданские права негров в США, застреленный расистами.

⁴ «Stairway To Heaven» — одна из самых известных песен группы «Лед Зеппелин».

— Ты, мой друг, — экстремист! Забыл, как многие наши с тобой ровесники тащились от «Ласкового мая»? Хорошие книги, музыка и театр в любые времена были уделом избранных. Просто сейчас, когда мерилом всего стали деньги, есть возможность заявить о себе тупому большинству! В целом же, процентное соотношение между умными людьми и придурками всегда неизменно! И институтский диплом тут роли не играет! Знал я и простого токаря, взалхлеб читавшего Бродского и Канта, и кандидата наук, путающего Сальвадора Дали с Эмилем Золя! Так что оставь молодых в покое, среди них есть — еще какие! — умницы!

— Возможно, ты и прав... Хрен с ними! — бормочет он, наполовину погруженный в мир компьютерных сетей. — Ну, давай же, железяка проклятая! Наконец-то, соединился! Сейчас перекачаю информацию с сервера...

— Что, к вашей базе так просто получить доступ?

— Как сказать... Это всего лишь электронные досье, они представляют такую же ценность, как список очередников на получение жилья! Чтобы добраться до стоящих сведений, нужно попотеть, словно ищешь смерть Кощея! По модему это невозможно, посему придется пока тебе ограничиться скупой биографией с моими комментариями. Так, посмотрим... Где тут у нас Его Ублюдейшее Величество Шайтан? Ага! Максудов Павел Искандерович, пятьдесят девятого года, родом из Саранска, образование высшее — между прочим, литфак МГУ! — холост, судимостей не имеет, прожи-

вает...

— Погоди! Это как, «судимостей не имеет»? Не понял...

— Именно! Ты ухватил самую суть! Вспомни, как долго власти открещивались от наличия в стране организованной преступности... Потом признали, но газетчики, по простоте душевной, воссоздали в сознании обывателя устрашающий образ: весь в наколках пахан, истоптавший десятки зон, с оловянными глазами, ботающий исключительно по фене, и тому подобное... Однако, вдумайся, как могут зачастую малообразованные люди, которые половину жизни провели за решеткой, организовывать высокодоходный бизнес или воровать миллиарды, или управлять мощными группировками? Вор — он и есть вор! Максимум на что он способен — это ограбить ювелирный магазин или, на крайний случай, сберкасса. Поверь мне, это все пустяк в сравнении с суммами, которыми ворочают различные «шайтаны», а уголовники — всего лишь фасад, играющий роль пугала для общества, и исполнители грязной работы. Пока идет раздел сфер влияния, без них не обойтись! Посмотришь, постепенно их задвинут куда подальше! «Чистые» бандиты выйдут сухими из воды, а простые сограждане уверуют, что правосудие свершилось! Ну, во всяком случае до следующего передела собственности... Попадаются пока еще в денежных кругах и «талантливые» рецидивисты, но конкурировать им с не нюхавшими парашу, ой, до чего ж сложно!

Мы перемещаемся назад на кухню.

— Возьмем, к примеру, твоего Шайтана! — продолжает лекцию Костя. — Когда-то писал стишки, потом был секретарем обкома комсомола, сейчас — преуспевающий бизнесмен, жертвующий немало средств на развитие детского спорта, и всеми уважаемый человек... Такова видимая часть айсберга. На самом же деле под его контролем находится приблизительно десятая часть Москвы и области, от вполне легальных складов оптовой торговли и банков до подпольных лабораторий по производству «синтетики»! Сам же он довольно скромно проживает у черта на куличках, в бутылку не лезет, планомерно скупает местные органы власти, потом примется за общественное мнение... Не ровен час, изберут депутатом! С этим, конечно, перегибаю, проще усадить в кресло своего человека и руководить издалика — так удобней! Ведь в своем регионе он — бог, а тут — конкуренция, того гляди, напорешься на пулю. Но и он, заметь, не последнее звено. Как пелось в песне: «вверх и в темноту уходит нить». Шаг за шагом я подхожу к мысли, что за веревочки дергает один человек, возмнивший себя Господом... И вообще, тебе лучше всего этого не знать! Голова еще не опухла от ужасиков? Завтра приволоку тебе с работы все сведения о твоём Чертяке... Эх, ту бы коробочку, что он унес!

Зевая, он спрашивает:

— Сколько там натикало?

— Без пяти час...

— В девять планерка, блин... Ну, и фиг с ней! Не каждый

же день встречаешь усопших друзей! Пойдем проветримся и заодно разыграем, кому спать на кровати, а кому — на полу! Выкладывай-ка папироски!

Суть нашей старой игры проста — кто больше «настреляет» у прохожих сигарет за определенный отрезок времени.

Через тридцать минут подсчитываем трофеи и Константин побеждает со счетом 24:19.

— Не горюй! — утешает он. — Я тебе матрац мягкий пожертвую... С твоей рожей в столь поздний час выпросить хотя бы столько сигарет талант нужен! Между прочим, сбрил бы ты свою козлиную бородку, а? Для маскировки и усы сойдут! Право, иначе неловко мне будет привести тебя завтра в девчатник!

— Вообще-то, я собирался...

— Об этом не может быть и речи! — не дает он мне закончить фразу. — Ты когда-нибудь парился в баньке с компанией из десяти дам? Что глазища выпучил? В жизни всё нужно попробовать!

3

За окном мелькают до боли знакомые пейзажи. Поезд приближается к родному городу...

Поддавшись на уговоры Костика, устроившего себе больничный, «профестивалил» в столице четыре дня, два из которых оказались выходными. «Какой смысл маячить в

окрестностях, где тебя все собаки помнят?» — резонно заметил он, и я остался...

Мы бросались из крайности в крайность: то вели серьезные беседы, касаясь философских категорий бытия, то отрывались на полную катушку... Меня всегда удивляла загадка человеческой природы — как в одном индивидууме умудряются сосуществовать духовность и тяга к разврату? Тем не менее, внутреннее реле едва успевало переключаться: днем я кидался на женщин, словно изголодавшийся волк на мясо, а ночами не мог уснуть, тоскуя по любви и презирая себя.

— Ты посмотри на этот серпентарий! — сказал с грустью Константин, когда мы возвращались с очередной гулянки. — И на ком, подскажи, жениться? Свобода выбора: кобра, гадюка, гюрза, удав и гремучка... Шикарно! Между прочим, считают себя леди! На дежурящих на Тверской жаб смотрят, как Ленин на буржуазию! А, по сути, разница в цене! На тверских дам денег не напасешься, а этих накорми, напои да факай, пока тепленькая! Разумом понимаю, что пора бы уже и об очаге подумать. Детишек хочу, чтобы не меньше трех! Ответь честно: женщины все такие?

— Я бы сказал, мужики все такие! — заметил на это я. — А порядочные женщины — они, как и читающие хорошие книги люди, есть, просто в общей массе замечаются не сразу! Тебе ж подавай красивую, умную, хозяйственную, сексуальную, добрую, покладистую, с хорошим вкусом, еще и верную! А такое сочетание, братец, встречается так же часто,

как и белая ворона! Не стоит также забывать про классический недуг достойных барышень: они предпочитают мерзавцев и рядовых кретингов, а потом гордо несут свой крест! И вообще, хватит об этом... Я, к Вашему сведению, сэр, не далее как час назад кувыркался в кровати с двумя сударынями, так что проблемы морали в данный момент мне чужды... Поговорите об этом лучше с... католическим священником, например!

Про двух я набрехал, но он всё принял за чистую монету.

— Злодей ты! — смеялся Костя. — Я ему фибры души обнажаю, а он групповухой прикрывается! Когда б еще в такой бильярд сыграл?

— А мне не понравилось! Пока стоит проблема выбора, не стоит ничего другое!

— Пошляк!

— Ты как свинья, лежащая в луже и обзывающая другую в той же луже грязнулей! — парировал я.

— Да, ты — поэт! Какие образы!

Как я только позволил себе опуститься до подобного разврата? Но нет ничего проще, чем оправдать самого себя. Переживу! Подобные случаи описаны психологами: когда у человека до предела натянуты нервы, он расслабляется грехом. В конце концов, подумаешь, порок! Еду совершать сознательное убийство, а переживаю за любодеяние...

Дернувшись в последний раз, поезд останавливается. Груженные тюками заспанные люди торопятся к выходу, мне же

спешить некуда — время раннее, троллейбусы начнут ходить не раньше, чем через час. Пройдусь пешком, не боясь встретить знакомых! Даже в Саратове мне не хотелось сразу же отправляться в логово Шайтана, поэтому и решил заглянуть на денек домой. Может случиться, что другой такой возможности не будет...

Но развенчание мифа о своей кончине в мои планы пока не входит. Во-первых, может дойти слух до Шайтана, во-вторых, не исключено, что тогда меня через пару дней придется хоронить повторно, а этого близкие не переживут. Если же всё пройдет успешно, «ожить» успею!

Сердце щемит от вида родных улиц. Медленно иду в сторону своего дома. Почти ничего не изменилось! Только вот там раньше не было ларька с надписью «Свежее пиво». Национальная особенность — пить в мороз неизменно свежее пиво!

Кажется, что не был здесь вечность...

Перекинутая через плечо брезентовая сумка подлю позвякивает при ходьбе. Внутри нее уникальный набор: духовой пистолет, предназначенный для усыпления хищников, бутылочка хлороформа, а в специальном чехле — спица, мало чем отличающаяся от вязальной... «Ты либо безмерно наглущий, либо отчаянный...» — прокомментировал эти предметы Константин, когда я рассказал о цели их использования. Быть может он и прав...

Уподобляясь грабителю, крадусь к своей квартире. Зам-

ки не поменяли. Кроме меня ключей ни у кого не было, значит, жилище стоит временно брошенным. Верхний замок не закрыт... Я уверен, что закрывал его на два оборота... Как это было давно! На всякий случай извлекаю свое шуточное оружие. Поворот ключа и дверь со скрипом распахивается. В нос ударяет запах нежилого помещения. Тихо. Готовый ко всяким неожиданностям, включаю бра... Нет, не похоже, что кто-то притаился рядом. Захлопываю дверь и еще какое-то время прислушиваюсь. В квартире я один.

Задернув шторы, включаю свет в комнатах: лакированный письменный стол покрыт толстым слоем пыли, и не только он — пыль повсюду, кровать примята... Чисто интуитивно угадываю, что без меня здесь кто-то побывал, но лишь на кухне отчетливо замечаю оставленные чужаком, а скорее чужаками, следы — полную пепельницу и посуду с засохшими обедками. Все-таки, ждали, организовав засаду, но не слишком долго... Получив известие о моей гибели, наблюдение за квартирой сняли. Излишняя осторожность, однако, не помешает, поэтому закрываюсь изнутри на задвижку.

Мой дом, которого отныне нет! Полное запустение: телефон отключен, из крана в раковину накапало громадное ржавое пятно... Во истину, пути Господни неисповедимы: как случилось так, что ни забившие тревогу родители, ни милиция, разослав приметы по моргам, не догадались удостовериться, что я не валяюсь в своей кровати, подошедший от инсульта? А может, это и к лучшему! Как бы повернулись со-

бытия, застань они здесь поджидавших меня головорезов?

Не мешало бы выспаться, но разве уснешь...

Перетащив музыкальный центр и надев наушники, нежусь в ванной. Какими бессмысленными кажутся теперь значившие так много пластинки, кассеты и лазерные диски... Единственно значимой осталась лишь животная жажда мести.

4

«Вернусь ли сюда когда-нибудь еще?» — думаю я, покидая родные стены. Мосты сожжены...

Никто не видел, как я входил и выходил; сильно опасаться, что узнают, не приходится, но на всякий случай дополнительно маскируюсь очками в громоздкой оправе и захожу в расположенное неподалеку отделение банка, чтобы закрыть счет. Не бог весть какая сумма, но с финансами ощущаются сложности, ведь почти все уцелевшие деньги оставил Рите. Хорошо, хоть в банке не в курсе, что формально их клиент приказал долго жить.

Не могу удержаться, чтобы не посетить свою могилку. За купленную заблаговременно бутылку дешевого вина кладбищенский сторож охотно провожает меня до самой оградки.

— Мрут молодые, как мухи... — бормочет он. — Сосед у меня, чай, сорока не было, купил в магазине бутылку и «ско-рая» даже до больницы не довезла... Слабенькое вы поколение... Я в его годы денатурат пил, а живой, как видишь!

Поблагодарив старика, стою возле сравнительно свежего холмика на самом краю городского погоста. Служащие не удосужились убрать венки, поэтому, стряхнув с них снег, пытаюсь разобрать сделанные бронзовой краской надписи на ленточках: «Сыну...», «Другу...».

Все-таки, не стоило сюда приходить... К чему знать ответ на извечно будоражащий сознание вопрос: «Что будет после меня?» Все то же и будет... Просто однажды наступит миг, когда твой образ не смогут даже вспомнить...

Посещаю и могилку заменившей мне мать бабушки. Заметно, что, по крайней мере, с начала зимы, никто сюда не приходил... А ведь я тоже думал, что не смогу прожить без нее... Сначала навещал раз в неделю, потом — раз в месяц, наконец, только в дни рождения... А теперь и на день рождения опоздал.

Очистив мраморную плиту от снега, кладу букет хризантем. Она так любила, когда я дарил ей эти пахнущие осенью цветы!

Возвращаюсь в город и бесцельно брожу по улицам, сильно рискуя быть узнанным.

Вот здесь возле щита с объявлениями я назначил первое в своей жизни свидание, а она так и не пришла... А там, на углу, меня прилично отдубасили трое бывших десантников, которым не понравилась моя стрижка, а точнее отсутствие оной... В тех дворах жили родители до того, как получили

новую квартиру...

Незаметно для себя оказываюсь возле Дворца культуры, где располагалась музыкальная комната нашей группы. Поддавшись порыву, избегаю по ступенькам. В конце концов, я сам устанавливаю правила, сам и отменяю!

Как обычно, пустынно. Поднимаюсь на второй этаж и дохожу до кабинета директора. Из-за двери доносится тихая музыка. Осторожно стучу.

— Войдите! — слышится голос Михаила Федоровича.

Захожу в уютное помещение и здороваюсь.

— По какому делу изволили пожаловать, молодой человек? — спрашивает директор. — Присаживайтесь, будьте любезны!

Когда он в хорошем настроении, ему нравится пользоваться речью чеховского образца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.